ГОДЪ ВЪ АМЕРИКѢ

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ЖЕНЩИНЫ-МЕДИКА.

Dieses ist Amerika,
Dieses ist das neue Land!
Heine.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I. Отъѣздъ.

Въ началѣ 1875 года я кончила курсъ медицинскихъ наукъ въ Ц. — Вдругъ, словно снѣгъ на голову, свалились извѣстія и письма, заставившія меня бросить и начатую диссертацію, и друзей, и старый дорогой университетъ, гдѣ я въ первый разъ получила хоть какіе бы то ни было отвѣты на «проклятые вопросы».

Однимъ словомъ, все было разбито грубо, произвольно, безцѣльно!.. Бросить все и вернуться домой? Домой? Меня давно тянуло на родину; русская ширь и даль грезились днемъ и ночью, но разумъ твердилъ другое. Нужно было сначала окончить начатое дѣло, а потомъ уже думать о возвращеніи въ любимую родную сторону. Только тогда я имѣю право вернуться, думалось мнѣ, когда кончу то, безъ чего моя будущая жизнь останется пустой и безцѣльной. А теперь, вдругъ встрѣтились еще новыя, неожиданныя осложненія: и кончать здѣсь нельзя, и возвращаться смысла нѣтъ. Я думала долго и мучительно и, наконецъ, рѣшила поѣхать въ Америку.

Дочь моей квартирной хозяйки, юнгферъ Люти, собиралась въ это время ѣхать въ Филадельфію къ брату; она почти уже окончила свои сборы. Ея жизнь сложилась также не совсѣмъ

по ея желанію; и ей неудавалось осуществить своихъ мечтаній, въ ряду которыхъ, на первомъ мѣстѣ, стояло горячее желаніе помочь по силѣ и возможности учащимся женщинамъ. Она хотѣла устроить общую удобную квартиру для нихъ, гдѣ онѣ могли бы дешево жить, а она такъ бы о нихъ заботилась, что онѣ всѣ чуть не сразу сравнялись бы съ профессорами. Бѣдная, увлекающаяся, капризная старая дѣва лѣтъ сорока пяти, съ золотымъ сердцемъ, вотъ что была эта юнгферъ Люти. Мечты ея не осуществлялись отчасти отъ упрямства старухи матери; кончилось тѣмъ, что дочь рѣшила уйти изъ дому, чтобы избѣжать упрековъ, не утихавшихъ съ утра до ночи. Но уйти изъ отцовскаго дома и жить отдѣльно въ предмѣстьѣ крошечнаго провинціальнаго города—да это скандалъ! Тутъ всякій всякаго знаетъ: пересудамъ конца не будетъ! Нѣтъ, ужъ лучше въ Америку, въ новую страну, тамъ все возможно, даже «pension bourgeoise» на разумныхъ началахъ.

Она очень обрадовалась, когда я сказала, что тоже думаю ѣхать. «Вотъ и отлично! Вы, да я, да еще Фанни Б., она вѣдь отлично кончила въ Бернѣ.... ужъ я устрою, что она туда къ намъ пріѣдетъ... и заживемъ мы припѣваючи, а вы обѣ сдѣлаетесь профессорами»!

Мы рѣшили ѣхать на Францію и сѣсть въ Гаврѣ на пароходъ «Фризію», который отчаливалъ 8 мая 1875 г. и шелъ въ Нью-Іоркъ.

Тяжело было прощаться съ друзьями и знакомыми. Докторъ С., ассистентомъ котораго я была, далъ мнѣ нѣсколько рекомендательныхъ писемъ въ Америку, между прочимъ, къ доктору Сюзаннѣ Димакъ, въ Бостонѣ, и къ г. Дакоста, доктору въ Филадельфіи, куда я прежде всего хотѣла поѣхать. Профессора снабдили меня свидѣтельствами, всѣ пожелали счастья, и я отправилась. Кое-кто изъ пріятелей проводилъ меня до Бадена; конца не было обѣщаніямъ писать, прощаньямъ. Я, не стыдясь, плакала. Я не боялась ни тревогъ, ни невзгодъ долгаго путешествія: мнѣ было больно отрываться отъ того, къ чему я уже успѣла привыкнуть. Мы ѣхали въ третьемъ классѣ, съ цѣлою толпою эмигрантовъ, которые также должны были плыть въ Америку на «Фризіи». Юнгферъ Люти чуть не наканунѣ отъѣзда рѣшила взять съ собою свою пятнадцатилѣтнюю племянницу, Розу. Роза была рада ѣхать, тѣмъ болѣе, что ѣхала я, которая въ ея глазахъ была благодѣтельной феей, всегда имѣвшей цванцигеръ на лакомства и всегда съ сочувствіемъ выслушивавшей

слезныя жалобы на брань отъ бабушки или тётки за какую-нибудь провинность.

Въ Базелѣ мы пробыли около десяти часовъ. Я воспользовалась этимъ временемъ, чтобы навѣстить доктора С., который съ недѣлю тому назадъ переѣхалъ сюда для исполненія своей «Militär pflicht» (воинской повинности). Мнѣ удалось осмотрѣть зданіе, гдѣ помѣщались военные врачи, и узнать кое-что о ихъ занятіяхъ. Каждый врачъ въ Швейцаріи обязанъ пробыть извѣстное время, 28 дней, на военно-медицинскихъ курсахъ и разныхъ практическихъ военныхъ занятіяхъ въ Базелѣ. Тутъ слушаются и ветеринарные курсы. Я застала своего почтеннаго ех-начальника въ синей холщевой рабочей курткѣ и занятого систематическою чисткою лошади. Поболтавъ съ полчаса, мы распрощались. Это прощаніе было очень печальное для меня, потому-что я знала, что теперь не встрѣчу уже больше ни одного знакомаго лица.

Распростившись съ нимъ, я вернулась въ отель, гдѣ находился нашъ эмигрантскій табунъ подъ предводительствомъ агента компаніи, перевозящей эмигрантовъ въ Соединенные Штаты; онъ долженъ былъ сохранно доставить насъ на «Фризію». Въ отелѣ я въ первый разъ встрѣтилась лицомъ къ лицу со всѣми моими спутниками, за ужиномъ. Первое мѣсто между эмигрантами занимало семейство Фишеръ: мать, сынъ и дочь. Затѣмъ, были тутъ еще длинный герръ Мюллеръ, какой-то молчаливый краснощекій юноша, двѣ молодыя дѣвушки, Анна и Бабетли, и, наконецъ, плотный сонный господинъ въ широкополой войлочной шляпѣ, которую онъ, кажется, во всю дорогу не снималъ ни разу.

Все это были либо фабричные рабочіе, либо мелкіе торговцы и почти всѣ швейцарцы и цюрихшане, за исключеніемъ длиннаго Мюллера, который былъ австріецъ и присоединился къ другимъ передъ самымъ отъѣздомъ. Провожавшій насъ агентъ замѣтилъ мнѣ, что онъ видно очень торопился, потому-что даже не захватилъ никакого багажа на дорогу. Всѣ съ любопытствомъ осматривали другъ друга. Юнгферъ Люти глядѣла точь-въ-точь деревенская поповна, попавшая въ компанію и желающая держать себя съ достоинствомъ. Я замѣтила въ этотъ вечеръ между молодежью не одну усмѣшку насчетъ моей старой пріятельницы. Надъ ней, впрочемъ, очень скоро перестали смѣяться.

За ужиномъ, состоявшимъ изъ соленой свинины, отваренной съ картофелемъ и капустой, и стакана вина, сначала всѣ ѣли, потомъ завязался разговоръ, въ который вмѣшались и прислуживавшія дѣвушки и также присутствовавшій и прислужи-

вавшій хозяинъ отеля. Компанейскій агентъ ужиналъ съ нами. Билеты выданы намъ были отъ Цюриха до Нью-Іорка и стоили: 450 франковъ за второй классъ и 250 за третій, съ переѣздами по сушѣ и пищею включительно. У меня былъ билетъ второго класса, но я по желѣзной дорогѣ ѣхала въ третьемъ, чтобы не разставаться съ юнгферъ Люти и потому еще, что меня очень интересовали эмигранты, третьеклассная-же публика нисколько не пугала, такъ-какъ мнѣ приходилось много имѣть дѣло съ рабочими какъ въ больницахъ, такъ и посѣщая ихъ во время болѣзни на дому. За ужиномъ-же оказалось, что Бабетли была сестрою одной изъ моихъ паціентокъ. Это обстоятельство помогло мнѣ вступить въ непринужденный разговоръ съ моими спутниками. Я должна сознаться, что мнѣ ни разу не пришлось раскаяться въ томъ, что я поѣхала съ эмигрантами. Кромѣ вѣжливости и предупредительности, я ничего не видала отъ нихъ во все время дороги.

Отъ ужина мы всѣ встали въ самомъ лучшемъ расположеніи духа и отправились на желѣзную дорогу. Роза уже успѣла подружиться съ четырнадцатилѣтнею Аннели Фишеръ, а юнгферъ Люти поссориться съ двадцатидвухлѣтнимъ Жаки Фишеромъ по поводу женскаго вопроса. Нужно сказать, что юнгферъ Люти была не только поборницей женщинъ, но и ярой ненавистницей мужчинъ. Анна и Бабетли шли съ фрау Фишеръ, мужчины вмѣстѣ отдѣльной кучкой, а меня, какъ «аристократку» — «Cajuten Passagier», сопровождалъ агентъ и занималъ разсказами объ Америкѣ и послѣдней тамошней войнѣ, во время которой онъ также сдѣлалъ какой-то походъ. Наконецъ мы размѣстились по вагону и помчались. Агентъ, который долженъ былъ довести насъ до «Фризіи», однако, вдругъ куда-то исчезъ и не возвращался больше.

Всѣ были веселы и принялись пѣть. Далеко неслись изъ оконъ вагона швейцарскіе «Jodler». Лучшимъ «іодлеромъ» оказалась сонная широкая шляпа, на этотъ разъ почему-то не спавшая. Вагонъ былъ весь раздѣленъ на ряды поперечныхъ стойлицевъ на десять человѣкъ. Входъ въ каждое стойло былъ сбоку, но видѣнъ былъ весь вагонъ, такъ какъ перегородками служили только спинки деревянныхъ лавокъ. Въ томъ отдѣленіи, гдѣ помѣстились юнгферъ Люти, Роза и я, оказалась еще дѣвушка лѣтъ двадцати, также ѣхавшая въ Америку. Она присоединилась къ намъ въ Базелѣ. Ее звали Verena, или по-швейцарски Френели; она ѣхала въ С.-Франциско къ брату. Она была плохо одѣта, дурна собой и оказалась невыносимо глупа. Она

всю дорогу хлопотала съ своимъ дорожнымъ мѣшкомъ, который почти весь былъ занятъ четырьмя литровыми бутылками съ киршвассеромъ; она везла ихъ въ подарокъ брату. Эти бутылки и забота о томъ, чтобы не разбить ихъ, немилосердно надоѣдали намъ всю дорогу; но еще больше надоѣдало то, что ни одинъ посторонній пассажиръ не пропускалъ Френели безъ того, чтобы не пристать къ ней. Между Базелемъ и Парижемъ произошла даже цѣлая исторія: подгулявшій французскій militaire нашумѣлъ въ вагонѣ, возъимѣвши желаніе «разцѣловать прелестную швейцарку», но затѣмъ мы доѣхали до Парижа безъ дальнѣйшихъ приключеній. Здѣсь насъ помѣстили въ грязнѣйшій Hôtel de Bâle, на Страсбургскомъ бульварѣ. Мы должны были пробыть тутъ до вечера. Вещи наши уложили гдѣ-то на заднемъ дворѣ, въ вонючемъ и сыромъ чуланѣ.

Насъ, живой багажъ, свели въ общую столовую, гдѣ очень плохо накормили. Комнатъ намъ не полагалось, мы могли сидѣть въ столовой до времени отхода поѣзда въ 9 часовъ вечера. Что касается юнгферъ Люти и меня, то мы такъ устали, что взяли комнату на свой счетъ, чтобы переодѣться и хоть немного уснуть, между тѣмъ какъ остальные путешественники наняли въ складчину двѣ кареты и поѣхали осматривать Парижъ.

Еслибы не грязь и вонь въ отель-де-Баль, то намъ, вѣроятно, удалось бы хорошо отдохнуть, но здѣсь намъ было отвратительно дотронуться до чего бы то ни было,—такъ избаловала насъ жизнь въ опрятной Швейцаріи.

Въ тотъ разъ я такъ и не видѣла Парижа. Вечеромъ, когда мы собрались уѣзжать, все населеніе отеля вышло провожать насъ.

Намъ желали счастья и успѣха, пока мы усаживались въ два омнибуса, припасенные компаніею для перевозки эмигрантовъ. Намъ пришлось проѣхать чуть не цѣлый Парижъ отъ страсбургской станціи до той, гдѣ мы должны были сѣсть на гаврскій поѣздъ. Мы ѣхали, ѣхали и казалось, будемъ ѣхать безъ конца. Вдругъ омнибусъ остановился и кондукторъ, появившись въ дверяхъ, потребовалъ съ насъ денегъ.

Мы никакъ не могли разобрать, проситъ ли онъ у насъ «pour boire» или же мы обязаны платить. Пассажиры, которыхъ прибавилось около десятка новыхъ, не хотѣли платить; кондукторъ злился, говорилъ, что не поѣдетъ дальше; раздавались брань, смѣхъ, пискъ... Какой-то старикъ такъ ничего и не далъ, за него заплатили другіе. Осталась у меня еще въ памяти длиннѣйшая процедура осмотра насъ и нашихъ вещей чиновниками парижскаго octroi, взимающими муниципальный городской налогъ

за ввозимые въ городъ съѣстные припасы; это происходило при въѣздѣ нашемъ въ Парижъ. Френели клялась, что везетъ свой киршъ въ С.-Франциско, однако, съ нея взяли денежный залогъ, почти равный всей стоимости кирша; его возвратили ей при выѣздѣ. Доставая свои бутылки, она умудрилась разбить одну изъ нихъ, причемъ облила всѣхъ насъ и наши вещи, вслѣдствіе чего и эти, и мы сами были насквозь продушены крѣпчайшимъ спиртомъ. Я увѣрена, что всѣ проходившіе потомъ мимо насъ пассажиры считали насъ горчайшими пьяницами. Съ вещами у насъ вообще была ужасная возня; у всѣхъ ихъ было много, и еслибы не эмигранты мужчины, постоянно помогавшіе намъ, мы, вѣроятно, половину своего имущества растеряли бы по дорогѣ.

Переѣздъ до Гавра совершился ночью. Утромъ мы подъѣхали къ городу. Гавръ и море произвели на меня очень скверное и тяжелое впечатлѣніе. Я въ Россіи видѣла море съ зеленѣющими берегами, съ обросшими мхомъ сѣрыми валунами, на которые набѣгаютъ, будто ласкаясь, прозрачныя зеленоватыя волны... Видѣла я и синія воды Средиземнаго моря. Но тутъ, въ Гаврѣ, я не узнала любимаго мною полнаго красоты и таинственной поэзіи водяного царства... Грязный и плоскій берегъ, застроенный старыми, грязными и подслѣповатыми зданіями, кое-гдѣ деревянная набережная, заваленная мусоромъ, вся черная отъ каменнаго угля и дыму пароходовъ, едва проходимая отъ цѣлыхъ горъ тюковъ и бочекъ—вотъ въ какомъ убранствѣ представилось оно мнѣ. Вездѣ деготь, уголь, отрепья, осколки... Дальше громадные деревянные намосты на насыпяхъ, уходящихъ далеко въ море и ведущихъ къ готовымъ отчалить пароходамъ-гигантамъ; сотни каботажныхъ судовъ, лодокъ и лодочекъ, всѣхъ размѣровъ, формъ и цвѣтовъ, и все это потемнѣлое, вонючее, грязное, все испачканное углемъ и дегтемъ.

Самый городокъ внутри чистенькій и правильно расположенный; у меня онъ, однако, какъ-то вылетѣлъ изъ головы, и жива осталась только картина прибрежья.

Намъ приходилось переночевать въ Гаврѣ. И здѣсь, какъ въ Парижѣ, мы были приведены въ отель, гдѣ за помѣщенье и пищу съ насъ были уже впередъ взяты деньги, въ числѣ заплаченныхъ за пароходный билетъ. Намъ отвели двѣ громадныя комнаты—одну для мужчинъ, другую для женщинъ. Каждая кровать полагалась на двухъ человѣкъ. Я чувствовала себя очень усталой, да и вообще не хотѣла дѣлить своей постели ни съ кѣмъ. Юнгферъ Люти испытывала то-же самое, поэтому мы

потребовали себѣ отдѣльную комнату. Единственная незанятая въ отелѣ оказалась съ четырьмя незапирающимися дверьми. Мы не сомкнули глазъ во всю ночь: намъ казалось, что это непремѣнно кто-нибудь крадется, чтобы напасть на насъ, ограбить и убить. Особенно фантастически было настроено воображеніе юнгферъ Люти. Ночь прошла, однако, совершенно благополучно, чего въ сущности и ожидать слѣдовало. Подъ утро мы крѣпко заснули и были очень недовольны тѣмъ, что насъ разбудили для сдачи вещей на пароходъ. Каждый пассажиръ имѣлъ право перевезти безплатно 200 фунтовъ багажу.

Сдавъ вещи, мы окончательно перебрались на пароходъ. Было часовъ двѣнадцать—въ два пароходъ отчаливалъ. Взойдя на пароходъ, мнѣ пришлось на время проститься съ моими спутниками, которые отправились устраиваться въ своемъ помѣщеніи въ цвишендекѣ, т.-е. третьемъ классѣ.

II. На пароходѣ.

«Фризія», пароходъ гамбургской компаніи, на которомъ мы ѣхали, былъ громадныхъ размѣровъ. Въ тотъ рейсъ, о которомъ я говорю, онъ везъ, кромѣ экипажа, тысячу слишкомъ человѣкъ пассажировъ. Въ третьемъ классѣ было около 700 человѣкъ, остальные приходились на первый и второй классы.

Какъ только суматоха отчаливанья нѣсколько утихла, я отправилась навѣстить своихъ спутницъ. Мнѣ пришлось спуститься въ каюту третьяго класса по лѣстницѣ, гдѣ каждую минуту можно было сломать шею: она напоминала крутыя и узкія лѣстницы, ведущія въ русскихъ деревянныхъ домахъ на чердакъ. Она была скользка, грязна, и вмѣсто перилъ нужно было держаться за грязную и скользкую веревку.

Едва только я спустилась на двѣ или три ступени, какъ на меня пахнуло смѣшаннымъ запахомъ кислой капусты, пота, табаку и еще чего-то, до того отвратительнаго, что у меня духъ захватило. Вонь эту не уничтожали даже громадныя холщевыя трубы, протянутыя сквозь люки изъ каюты къ палубѣ и служившія вентиляторами. Одна изъ этихъ трубъ хрипѣла и сопѣла около лѣстницы, по которой я сходила внизъ. Спустившись, я оказалась въ самомъ еще привилегированномъ мѣстѣ цвишендека: около лѣстницы и трубы можно было кое-какъ дышать, тутъ воздухъ не такъ застаивался, какъ въ болѣе отдаленныхъ углахъ. Всѣмъ моимъ спутникамъ удалось помѣститься вблизи

лѣстницы. Направо и налѣво, куда ни взгляни, въ три яруса громоздились койки, каждая для двухъ человѣкъ. Администрація парохода старалась, по возможности, размѣщать пассажировъ такъ, чтобы женщины приходились съ женщинами; впрочемъ, по недостатку мѣста, случалось, что помѣщали и мужчину на одну койку съ женщиною.

Моимъ спутникамъ удалось устроиться, насколько было возможно, прилично и удобно. Роза помѣстилась съ Аннели Фишеръ, юнгферъ Люти съ Френели. Фрау Фишеръ взяла на свою койку своего юркаго сына Жаки, но онъ постоянно забирался этажемъ выше къ Аннѣ и Бабетли, которыя съ крикомъ прогоняли его. Выше Розы и Аннели кряхтѣли и кашляли какіе-то евреи, старикъ со старухой, до того страдавшіе морскою болѣзнью, что бѣдныя дѣвочки, лежа на койкѣ, едва смѣли высунуть носъ изъ своего помѣщенія, такъ какъ сверху всегда что-нибудь лилось. Юнгферъ Люти скоро, однако, поссорилась съ своей сосѣдкой Френели: съ одной стороны она подозрѣвала ее въ кражѣ перочиннаго ножа, съ другой — осуждала за то, что Френели уже съ первой минуты по переходѣ на «Фризію» успѣла обзавестись женихомъ, съ которымъ и не разставалась по цѣлымъ суткамъ. Вообще къ концу первой недѣли корабельнаго житья не было уже и въ поминѣ той дружбы, которую эмигранты выказывали другъ другу во время путешествія по желѣзной дорогѣ. Они, впрочемъ, еще сходились по вечерамъ на палубѣ, болтали другъ съ другомъ и пѣли, но въ теченіе дня ссорамъ и перебранкѣ конца не было. Одного, только длиннаго Мюллера уже вовсе никогда больше не принимали въ компанію: оказалось (его узналъ одинъ изъ пассажировъ), что онъ убѣжалъ отъ хозяина, у котораго жилъ приказчикомъ, и нечаянно захватилъ съ собою часть хозяйскихъ денегъ. На пароходѣ Мюллеръ занялся скупкою пассажирскихъ вещей за ничтожныя, конечно, деньги; особенно выгодно покупалъ онъ у тѣхъ, кто хотѣлъ опохмѣлиться или проигрался въ карты; всевозможная торговля питьями и яствами завелась въ цвишендекѣ очень скоро; особенно дорого продавалось пиво, вино и табакъ. Курить было запрещено, тѣмъ не менѣе курили всѣ [1]). Администрація кор-

[1]) Торговыя операціи Мюллера имѣли очень печальный для него конецъ. Онъ купилъ у одного подвившаго рабочаго сундукъ съ вещами чуть-ли не за три бутылки пива; тотъ, протрезвившись, сначала расплакался, а потомъ нажаловался капитану. Этотъ послѣдній велѣлъ возвратить сундукъ обобранному и не позволилъ Мюллеру вынуть изъ него даже собственныхъ вещей, которыя онъ поторопился туда уложить. Всѣ остальные эмигранты только порадовались такому наказанію мошенника.

мила третьеклассныхъ пассажировъ изъ рукъ вонъ плохо: имъ почти не давали мяса; скупились даже на воду. Главною пищею служилъ картофель, капуста, хлѣбъ и кофе. За съѣстнымъ ходили на кухню выборные отъ группъ, на которыя пассажиры раздѣлились — кажется человѣкъ по 10-ти или по 15-ти въ группѣ. Нельзя было избѣжать ссоръ при раздѣлѣ пищи. Кромѣ всѣхъ описанныхъ неудобствъ, въ цвишендекѣ развилось еще и воровство; мои знакомцы никогда не уходили всѣ вмѣстѣ на палубу, а всегда оставляли кого-нибудь изъ своихъ, караулить вещи, и между тѣмъ стоило караулящему чуть-чуть зазѣваться, глядь, что-нибудь и пропало. Черезъ недѣлю ни у Розы, ни у Аннели не осталось ничего изъ жестяной посуды, которою также, какъ и одѣяломъ, долженъ передъ отъѣздомъ обзавестись каждый третьеклассный пассажиръ [1]). У иныхъ ночью пропадали не только одѣяла, которыми они были покрыты, но и подушка изъ-подъ головы.

И кого только не было въ этомъ цвишендекѣ: всѣ германскія племена имѣли тутъ своихъ представителей; кромѣ нѣмцевъ были тутъ евреи и русины, турки и итальянцы, греки и мадьяры и т. д., и т. д. Все это населеніе копошилось, хлопотало, ссорилось, болѣло, пьянствовало, горевало, веселилось и сплетничало... Но главнымъ образомъ всѣ эти люди ждали чего-то, надѣялись на что-то новое, хорошее, которое непремѣнно встрѣтитъ ихъ въ Америкѣ и все исцѣлитъ, все поправитъ, все обновитъ, всѣмъ дастъ счастье!..

Во второмъ классѣ, гдѣ ѣхала я, было много сходнаго съ тѣмъ, что́ я наблюдала въ третьемъ, когда навѣщала юнгферъ Люти и Розу. Было, впрочемъ, кое-что и другое. Во второмъ классѣ тоже ссорились и сплетничали, болѣли, горевали и радовались, ждали и надѣялись, какъ и въ третьемъ, но за то условія жизни были совершенно иныя. Помѣщеніе было, если не роскошное, то, во всякомъ случаѣ, вполнѣ удовлетворительное: каюты на три и на пять человѣкъ, съ хорошимъ чистымъ бѣльемъ, съ мягкими подушками и чистыми одѣялами и съ горничною для прислуги. Общая зала, вокругъ которой располагались каюты, служила столовой. Вмѣстѣ съ нами обѣдалъ экономъ корабля. Администрація ничего не жалѣла на угощенье даже второго класса: у насъ каждый день появлялись либо фрукты, либо мороженое. Кофе давали съ хорошимъ молокомъ. Судя по второму

---

[1]) Посуду эту и одѣяла обязательно покупать у пароходной компаніи.

классу, можно было предположить, что въ первомъ господствуетъ настоящая роскошь; оно такъ и было на самомъ дѣлѣ.

Какъ ни низокъ казался мнѣ нравственный уровень пассажировъ третьяго класса, однако, я и тогда думала и теперь думаю, что тамъ было болѣе человѣческаго вообще и больше честныхъ людей въ частности въ сравненіи съ вторымъ классомъ. О первомъ я не могу почти ничего сказать, потому что тамъ не была и ни съ кѣмъ изъ пассажировъ этого класса не была знакома. Но тутъ, вокругъ меня, какихъ только людей не было!

Особенно остался у меня въ памяти одинъ, сытый съ виду, отставной прусскій офицеръ, вербовавшій акціонеровъ для какого-то предпріятія. Съ нимъ была на пароходѣ жена, очень нарядная и разбитная; она страшно льнула къ одной недавно обвѣнчанной берлинской парочкѣ: сыну и наслѣднику богатаго мельника и его супругѣ. Этотъ молодой человѣкъ, получивъ наслѣдство послѣ отца, продалъ свою мельницу, женился и отправился почему-то въ Америку; кажется, онъ надѣялся тамъ быстро разбогатѣть. За каждымъ обѣдомъ онъ и его жена требовали шампанскаго, за которое платили въ три-дорога. Офицеръ съ женою пили его съ ними. Я не знаю, что сталось съ этою парою въ Америкѣ. Въ той каютѣ, гдѣ я помѣщалась, ѣхали еще четыре женщины. Одна изъ нихъ была нѣкая дѣвица Штельпель, особа уже пожилыхъ лѣтъ; она была швейцарка и содержала до сихъ поръ магазинъ бѣлья и модныхъ товаровъ въ Бернѣ. Теперь она ѣхала въ Америку къ своему жениху, который, подобно длинному Мюллеру, за полгода передъ этимъ переправился въ Нью-Іоркъ, захвативъ кассу торговаго дома, гдѣ былъ кассиромъ. И сама юнгферъ Штельпель, повидимому, не гнушалась барышами: она и на пароходѣ завела бакалейную и мелочную торговлю лентами, воротничками и т. п. Впрочемъ, къ концу первой же недѣли путешествія погода испортилась, и юнгферъ Штельпель перестала выходить изъ своей каюты, гдѣ самымъ ужаснымъ образомъ страдала морскою болѣзнью.

Были на пароходѣ и вѣнскія барышни съ длинными шлейфами и взбитыми прическами, да и мало ли кого и чего только не было. Были, между прочимъ, и чрезвычайно симпатичныя личности, не все только мошенники, дураки или же люди, страдающіе тѣмъ нравственнымъ состояніемъ, которое наука опредѣляетъ выраженіемъ «moral insanity». Какъ разъ въ моей каютѣ находились три дѣвушки, въ высшей степени скромныя и тихія на видъ. Одна ѣхала къ брату въ Нью-Аркъ, близъ Нью-Іорка; другая въ С.-Франциско (Фриско, какъ сокращаютъ аме-

риканцы) въ учительницы; третья къ жениху, пастору въ Чикаго. Эта послѣдняя, Лисхенъ, отличалась какою-то необыкновенно располагающею къ ней тихою и добродушно-насмѣшливою веселостью. Она была съ острова Рюгена. Ея никогда не было слышно. Когда была дурная погода, она оставалась въ каютѣ и читала что-то, лежа на своей койкѣ; когда погода была хороша, она забиралась въ какой-нибудь дальній уголокъ на палубѣ и опять съ книгой. Я тоже много читала, нанимая книги у корабельнаго библіотекаря, онъ же и цирюльникъ къ услугамъ благосклонной публики. Книги были большею частью нѣмецкія. Я утѣшалась цѣлую недѣлю приключеніями знаменитаго разбойника Ринальдо-Ринальдини; всѣ почти книги были безъ конца и безъ начала и хотя онѣ отъ этого не много теряли, но это такъ и помѣшало мнѣ узнать, чѣмъ окончились подвиги Ринальдо. Во всякомъ случаѣ, читать даже и такую дребедень было пріятнѣе, нежели страдать морскою болѣзнью, что̀ неминуемо случилось бы, еслибы я не проводила бурные дни лежа и убаюкивая свое сознаніе хотя бы и вздоромъ и на ладъ чичиковскаго Петрушки.

Лежать самое лучшее средство противъ морской болѣзни, отъ которой я такъ и осталась цѣла, если не считать легкаго, очень непріятнаго впрочемъ, чувства тошноты и головокруженія. Меня, однако, называли счастливицею, такъ какъ то, что происходило, хотя бы въ нашей каютѣ, превышало все, что я могла представлять себѣ о дѣйствіи качки; но это вообще плохо поддается не-медицинскимъ описаніямъ, да и не заключаетъ интереса.

Въ числѣ пассажировъ были, между прочимъ, и поэтически-таинственныя личности. Особенно выдавалась одна чета художниковъ: мужъ — піанистъ, жена — пѣвица; оба молодые, красивые, блѣдные и задумчивые, но, къ сожалѣнію, въ высшей степени грязные и растрепанные, хотя одѣтые далеко не бѣдно. Они всегда какъ-то неожиданно появлялись откуда-то и сидѣли или ходили обнявшись и въ сторонѣ отъ другихъ. Чаще всего ихъ видно было въ сумерки. На пароходѣ ихъ прозвали «туманными людьми» — «die Nebelmenschen». Про нихъ шептали романическую исторію: онъ былъ будущій геній-композиторъ, а пока бѣдный художникъ, перебивавшійся кое-какъ уроками музыки; она дочь важнаго австрійскаго сановника. У нея былъ отличный голосъ и она страстно любила музыку; онъ давалъ ей уроки музыки, влюбился въ нее, а она въ него. Они бѣжали почти безъ гроша, преслѣдуемые ея отцемъ, который, однако, не нагналъ ихъ и только послалъ ей вслѣдъ свое проклятіе. Имъ Аме-

рика казалась обѣтованной землей: она дастъ имъ богатство и славу—любовью же и счастьемъ они и сами богаты.

Всѣ на пароходѣ ждали, какъ я говорила, чего-нибудь отъ Америки: кто богатства, кто безопасности, кто славы, а кто и счастья. Молоденькая фрау Эрхартъ ѣхала на встрѣчу только счастью: въ Нью-Іоркѣ ее ждалъ мужъ; къ нему везла она шестимѣсячнаго ребенка. Это былъ истый типъ германки: бѣлокурая, румяная, сильная, веселая. И что за здоровякъ былъ ея краснощекій мальчикъ!

Мнѣ лично самое пріятное впечатлѣніе оставила семья Брандейсъ изъ Луисвилля въ Кентукки. Состояла она изъ пяти человѣкъ: отца, матери, двухъ взрослыхъ дочерей и подростка сына. Это были милые, образованные, скромные люди.

Одна изъ дочерей была очень больна. Что у нея было, я не знаю, но она страдала какими-то нервными припадками, была очень худа и едва держалась на ногахъ. Она тоже проводила большую часть времени за чтеніемъ; она была предусмотрительнѣе меня и захватила съ собою достаточно хорошихъ книгъ, чтобы ихъ хватило на все время переѣзда. Познакомившись съ нею, мнѣ не приходилось больше обращаться къ корабельному цирюльнику. Много часовъ просиживала я также около ея кресла, толкуя съ нею о прочитанномъ и видѣнномъ. Фанни Брандейсъ была хорошо знакома и съ той частью русской литературы, которая переведена на французскій, нѣмецкій и англійскій языки. Старикъ Брандейсъ былъ вполнѣ обамериканившійся нѣмецъ. Теперь они возвращались домой, пропутешествовавъ около года по Швейцаріи и Италіи. Познакомившись съ Брандейсами на пароходѣ, я продолжала знакомство и впослѣдствіи.

Жизнь на пароходѣ вскорѣ сложилась совершенно правильно и вполнѣ однообразно. Общество сходилось за завтракомъ и обѣдомъ, но казалось, что особенно весело пассажирамъ было по вечерамъ на палубѣ въ хорошую погоду. Пожилыя дамы чинно разсаживались, гдѣ кто могъ, и работали, толкуя о погодѣ, нарядахъ и потихоньку сплетничая. Молодежь обоего пола устраивала вокальные концерты. Пожилые и часть молодыхъ мужчинъ играли въ карты, а по временамъ, подъ предводительствомъ эконома, исчезали въ какихъ-то недоступныхъ дамамъ преисподнихъ, гдѣ и учиняли небольшіе кутежи, причемъ тѣ, у кого были свои дамы, вдругъ неожиданно появлялись на палубѣ съ бокаломъ шампанскаго или стаканомъ пунша и угощали своихъ женъ, дочерей, сестеръ или невѣстъ. О томъ, какъ проводилъ свое время первый классъ, я, какъ уже упоминала, ничего не

знаю. Иногда только на нашу часть палубы являлись оттуда какіе-то франты и пересмѣивались съ вѣнскими барышнями, вотъ и все; да еще ураганомъ проносилась въ третій классъ одна чета: очень толстая и немолодая уже дама съ очень молодымъ и худымъ мужемъ. Въ нашемъ классѣ сплетничали, что онъ былъ только-что начавшій свою карьеру профессоръ философіи, когда она вдругъ бросилась ему на шею со всѣмъ своимъ богатствомъ, и онъ нашелъ болѣе удобнымъ жениться и кататься какъ сыръ въ маслѣ, чѣмъ вести полную треволненій плохо-оплачиваемую жизнь приватъ-доцента швейцарскаго университета. Они теперь ѣхали для устройства образцовыхъ фермъ и для введенія сыроваренія близъ С.-Франциско и везли съ собою человѣкъ двѣнадцать рабочихъ, сыроваровъ, которыхъ и ходили навѣщать въ третьемъ классѣ.

За исключеніемъ нѣсколькихъ бурныхъ дней въ началѣ второй недѣли пути, погода все время стояла великолѣпная. Въ продолженіе нашего путешествія на «Фризіи» вообще ничего особеннаго не произошло.

Я часто навѣщала юнгферъ Люти. Она по цѣлымъ днямъ сидѣла на палубѣ, закутанная въ красное одѣяло и съ фантастической повязкой на головѣ. Она молчала и мечтала; только глаза ея, по мѣрѣ приближенія нашего къ Америкѣ, блистали все ярче какимъ-то пророческимъ блескомъ. Бѣдная Люти, не многія изъ ея надеждъ осуществились въ Новомъ Свѣтѣ!

На двѣнадцатый день по выѣздѣ изъ Гавра мы оказались въ виду Нью-Іорка. Всѣмъ уже успѣлъ надоѣсть пароходъ, всѣ рвались на землю; а между тѣмъ, на морѣ были по временамъ минуты съ чудными впечатлѣніями, неизгладимо врѣзывавшимися въ память. Особенно хорошо бывало мнѣ, когда ничто не мѣшало наслаждаться величіемъ безбрежной водной степи. Небо и море, море и небо! Яркое солнце, бѣлыя, какъ снѣжныя хлопья, облака, бѣлая и легкая какъ пухъ пѣна на яркихъ зеленовато-синихъ волнахъ, прозрачныхъ и темныхъ въ одно и то же время.

Начинаетъ темнѣть: солнце окунается въ море. Послѣдняя дальняя волна, послѣднее дальнее облако едва-едва окрашены розовымъ блескомъ; а тутъ, около корабля, мракъ уже сгустился. Вѣтеръ свѣжѣетъ, волны становятся все крупнѣе и, вздымаясь, распадаются на тысячи струй, принимая самые сказочные образы: вонъ русалки вынырнули изъ глубины и играютъ въ водахъ, пользуясь ночною мглою; вонъ изъ яркой снѣжной пѣны высунулась бѣлая рука и манитъ, манитъ... вонъ показалась голова

съ длинными темными косами, на которыхъ зеленѣетъ вѣнцомъ морская трава... Лазурь неба становится все темнѣе и темнѣе, море кажется совсѣмъ чернымъ, только пѣна на хребтахъ волнъ отливаетъ серебромъ, да около самаго парохода все ярче и ярче вспыхиваютъ разноцвѣтными огнями несмѣтныя тысячи фосфорическихъ искръ. Вотъ онѣ и за пароходомъ, и впереди, и всюду, онъ врѣзывается въ пучину огня... волны льютъ цѣлые потоки мягкаго, ласкающаго, нѣжащаго глаза свѣта. Не оторваться, кажется, отъ моря!.. цѣлые часы проходятъ: оно все то же, каждое мгновеніе причудливо мѣняясь! А далекое небо—темно-синее и только ярко блещутъ на немъ громадныя, точно тепло льющія звѣзды... только надъ моремъ онѣ такъ велики, такъ блистаютъ, такъ чудно прекрасны!

Но пришелъ и этому наслажденію конецъ; какъ-то безумно-радостно раздался крикъ: «земля, земля!» Впрочемъ, послѣ этого крика пароходъ еще долго летѣлъ на всѣхъ парахъ. Наконецъ, онъ пошелъ тише, потомъ совсѣмъ остановился, и стало слышно какъ спускаютъ якорь. Было часовъ одиннадцать вечера; никто не ложился, всѣ ждали чего-то, хотя знали, что сойти съ парохода можно будетъ не раньше слѣдующаго дня. Но вотъ что-то ударилось о бортъ корабля, всѣ суетятся, и на палубу всходитъ причалившій только-что лоцманъ; вотъ опять какіе-то глухіе удары: разъ! разъ!.. Это бросаютъ внизъ, въ лоцманскую лодку, тюки съ почтою изъ Европы. За лоцманомъ причалили и взошли на пароходъ американскіе таможенные чиновники. Они поименно переписали всѣхъ насъ и потребовали объявленія какой у кого багажъ и сколько. Окончивъ перепись, чиновники уѣхали; мы увидѣлись съ ними опять на слѣдующее утро, когда багажъ нашъ былъ выгруженъ на пристань. Относительно ихъ, могу сказать, что они со всѣми были и любезны, и вѣжливы.

Мало кто спалъ въ эту ночь на пароходѣ. Всѣмъ казалось странной неподвижность корабля; нѣкоторыхъ, съ трудомъ привыкшихъ къ качкѣ, начинало теперь тошнить отъ остановки. На утро лоцманъ провелъ насъ въ нью-іоркскую гавань. Это одна изъ величайшихъ гаваней въ мірѣ—и море, и городъ въ одно и то же время—множество огромныхъ судовъ какъ будто, однако, терялись въ почти безбрежномъ пространствѣ залива.

Былъ бурный день: волны громоздились въ настоящія горы сизо-сине-зеленыя; по небу съ неимовѣрною быстротою мчались тоже темныя сизо - зеленыя тучи, подернутыя черною дымкою. Иногда гнавшіяся другъ за другомъ по темно-синему небу зловѣщія, темныя тучи вдругъ вспыхивали сбоку или снизу багро-

вымъ пламенемъ, не то молніей, не то затерявшимся и неизвѣстно почему забѣжавшимъ сюда солнечнымъ лучемъ.

Мало-по-малу вдали начали вырѣзываться берега съ темнѣющими на нихъ зданіями. Потомъ рамки картины съузились, и все ярче и ярче начали выступать на ней бѣлыя и красныя кирпичныя зданія фабрикъ съ высокими трубами; дальше безконечно длинные, грязные, торговые склады; еще дальше—чистенькія дачи, тонущія въ зелени.

Но вотъ и Хòбокенъ, пристань, гдѣ спустятъ на землю пассажировъ перваго и второго класса. Пароходъ покачивается все тише, вдругъ крикъ: «stop», и пароходъ остановился.

III. На берегу.

Мы были у пристани: она представляла длинную деревянную крытую платформу, около которой помѣстилось бы еще пять такихъ же огромныхъ судовъ какъ «Фризія». Платформа была сажени на три ниже пароходной палубы. Тотчасъ было устроено нѣсколько сходней, какъ для людей, такъ и для спуска вещей. Между пассажирами поднялась невообразимая суматоха. Палуба съ ранняго утра была загромождена сундуками, чемоданами и ящиками. Кругомъ нихъ теперь куча людей суетилась, кричала и толкалась. Внизу на пристани также толпился народъ. Тѣ изъ путешественниковъ, которые не были заняты вещами, тѣснились у борта. Многіе старались высмотрѣть тѣхъ, кто долженъ былъ встрѣтить ихъ. Г-жа Эрхартъ торопливо проталкивалась впередъ, не падая подъ тяжестью своего шестимѣсячнаго сына Гередва Германіи. «Вонъ мой мужъ!—кричала она,—вонъ, вонъ!» и кивала ему и выше головы поднимала ребенка. Длинноволосый, широколицый, блѣдный, но довольно красивый мужчина въ широкополой сѣрой войлочной шляпѣ, посылалъ ей отвѣтные кивки и поцѣлуи рукою. Блѣдные «Nebelmenschen», обнявшись, стояли у борта; ихъ никто не ждалъ, никто не встрѣчалъ. Какъ только сообщеніе съ берегомъ окончательно устроилось, они какъ-то расстаяли въ толпѣ. Вонъ толстая жена ученаго философа-сыровара объ руку съ своимъ нѣжно-болѣзненнымъ мужемъ: она то суетится на пристани около своего безчисленнаго количества сундуковъ, довольно безцеремонно спускаемыхъ матросами съ корабля на дебаркадеръ; то, бросая мужа, стремглавъ мчится назадъ на пароходъ и объ чемъ-то горячо толкуетъ съ толпой швейцарскихъ рабочихъ, которыхъ везетъ въ С.-Франциско.—Лисхенъ, все такая же блѣдная, тихая и шутливо-ласковая,

стоитъ на палубѣ около своего чуть виднаго сундучка. Ее тоже никто не встрѣтилъ. Ей предстоитъ еще долгій путь прежде, нежели она увидитъ дружеское лицо; но за то тамъ, въ Чикаго, ее ждетъ хотя однообразная, но честная труженическая жизнь... съ Богомъ, Лисхенъ! Г-жа Штёльпель бѣгаетъ въ страшномъ безпокойствѣ за свои сундуки, въ которыхъ скрыты модные товары, объявленные ею таможеннымъ чиновникамъ домашнею утварью. Ей ужасно страшно: ей придется уплатить громадный штрафъ, если ящики откроютъ. Она все ищетъ какого-то таможеннаго, къ которому у нея есть письмо; онъ одинъ можетъ спасти ее. Чиновникъ наконецъ найденъ, какое счастье! Всѣ двѣнадцать сундуковъ безъ осмотра помѣчаются мѣломъ. Ящики семьи Брандейсъ почему-то очень тщательно осматриваются. Что касается меня, то я никакъ не могу отыскать своего багажа, да и нужно еще попросить, чтобы меня переправили на эмигрантскую половину для того, чтобы я могла высадиться со своими спутницами въ самомъ Нью-Іоркѣ. Мнѣ вовсе не хотѣлось разставаться, хотя бы и на нѣсколько часовъ только, съ юнгферъ Люти и Розой—это было бы очень неудобно какъ для нихъ, такъ и для меня. Наконецъ, все устраивается: багажъ найденъ, помѣченъ мѣломъ и отправленъ на «черную половину». Мнѣ поминутно встрѣчаются спутники изъ второго класса, которые прощаются и другъ съ другомъ, и со мною, желая и мнѣ, и другимъ счастья и удачи въ новой родинѣ. Проводивъ телѣжку съ багажемъ, куда было нужно, я вернулась на чистую половину попрощаться съ семьей Брандейсъ. Опять пожеланья счастья, размѣнъ адресовъ, обѣщанія писать. Наконецъ, я совсѣмъ перешла къ эмигрантамъ. Тамъ, на той части пристани, куда спустили ихъ вещи, меня ужаснули кучи громадныхъ холщевыхъ мѣшковъ, ворохи одежды и всякой рухляди и безчисленное множество сундуковъ всѣхъ видовъ, цвѣтовъ и размѣровъ. Между ними, за ними и на нихъ копошится и хлопочетъ шумный людской муравейникъ. У всѣхъ выражается на лицѣ, такъ или иначе, ожиданіе и довольство; недавнія ссоры и невзгоды забыты; всѣ какъ будто говорятъ: «ну, слава Богу! вотъ мы и на мѣстѣ, въ Америкѣ!»

Насъ пока съ пристани еще не выпускали, потому что эмигрантовъ высаживаютъ не въ Хобокенѣ, а перевозятъ въ самый городъ на небольшихъ пароходахъ, въ такъ-называемый «Кэстль-Гарденъ» на томъ берегу рѣки и гораздо выше по теченію. Намъ пришлось очень долго ждать нашей очереди для переправы, которая совершалась чрезвычайно медленно, а пассажировъ было болѣе 700 человѣкъ. Перевозные пароходы можно

было назвать скорѣе плоскодонными круглыми паровыми плотами, чѣмъ пароходами. Они были въ два этажа съ скамьями вдоль борта и по срединѣ. На скамьяхъ и на самой палубѣ въ перемежку съ узлами и ящиками сидѣлъ, стоялъ и лежалъ народъ. Дѣти, которыхъ откуда-то появилось вдругъ множество, кричали въ десятки голосовъ, прося ѣсть. Всѣмъ, впрочемъ, хотѣлось пищи и отдыха, и воцарившееся-было спокойное, полное надеждъ душевное состоянiе начинало мало-по-малу замѣняться недовольствомъ собой и другими. Забылось недавнее счастливое настроенiе; у всѣхъ была одна мысль: какъ бы поскорѣе переправиться; всѣ толкались впередъ, начинали даже раздаваться гнѣвные и нетерпѣливые возгласы.

Пристань, отъ которой отходили рѣчные пароходы, представляла продолженiе главной пристани; нужно было только пройти довольно большое пространство подъ тѣмъ же громаднымъ деревяннымъ навѣсомъ, которымъ прикрытъ былъ дебаркадеръ второго и перваго классовъ. Пока я хлопотала о перевозкѣ моихъ вещей, часть эмигрантовъ уже успѣла уѣхать. Тѣмъ не менѣе, я застала еще страшную давку. Фрау Фишеръ съ семьей была еще здѣсь, также какъ Анна и Бабетли, но Френели уже давно исчезла съ новымъ женихомъ. Юнгферъ Люти, сидя на какомъ-то узлѣ, задумчиво и грустно всматривалась въ рѣку. Я очень удивилась печальному виду моей прiятельницы и спросила ее о томъ, что̀ могло ее растревожить.

«Ach, liebe Madame!—отвѣчала она:—я боюсь, что Америка вовсе не такая новая страна, какъ мы себѣ воображали... посмотрите-ка вонъ туда!» Она указала вправо на двухъ женщинъ съ лотками, робко предлагавшихъ что-то на продажу. Я подошла къ одной, потомъ къ другой: первая продавала полугнилые апельсины, вторая—засохшiе и заплесневѣлые пирожки. Никто ничего не покупалъ у нихъ. У обѣихъ женщинъ были печальныя лица съ грубыми и некрасивыми чертами; у одной былъ подбитъ глазъ. Старье, надѣтое на нихъ, было изорвано и грязно. Я вернулась къ юнгферъ Люти въ сквернѣйшемъ расположенiи духа. «Видите ли,—продолжала она нашептывать мнѣ:—толпа такихъ нищихъ проводила насъ до корабля въ Гаврѣ, и тѣ-же нищiе встрѣчаютъ насъ здѣсь; а вѣдь мы, по настоящему, и на берегу еще не были. И какъ бы хороши ни были ихъ города, какъ бы все ни сiяло въ нихъ роскошью и довольствомъ, и даже если я сама разбогатѣю, я все-таки скажу, что и здѣсь справедливости нѣтъ, что и здѣсь люди не равны!.. даже

еслибы во всей Америкѣ и были только эти двѣ несчастныя бабы!.. А какъ вы думаете, вѣдь есть еще навѣрное не одна?»..

Не знаю, какъ бы я стала утѣшать мою опечаленную пріятельницу; мнѣ не дали отвѣтить ей ни слова носильщики, которые въ эту самую минуту подхватили наши вещи и понесли ихъ на пароходъ. Весь переѣздъ длился около получаса. Когда мы добрались до средины рѣки, кто-то изъ пассажировъ, уже бывавшій въ Нью-Іоркѣ, указалъ намъ большую бѣлую крышу куполомъ, ярко выдѣлявшуюся на темномъ фонѣ зданій на томъ берегу, къ которому мы направлялись. «Это—Кэстль-Гарденъ, туда насъ привезутъ и оттуда уже выпустятъ тѣхъ, кто захочетъ уйти, а кто не захочетъ, можетъ переночевать,—разсказывалъ пассажиръ. Тамъ и работу предлагаютъ и всякіе припасы продаютъ».

Наконецъ, мы пристали къ Кэстль-Гардену. Это огромное круглое зданіе, состоящее изъ большой залы на подобіе манежа съ отдѣленіями, окруженное безчисленнымъ количествомъ кладовыхъ, клѣтушекъ и корридоровъ. Раньше, нежели насъ провели въ залу, наши вещи положили въ какую-то клѣтушку и выдали намъ нумера на обратное полученіе ихъ. Потомъ насъ куда-то толкнули, и мы цѣлымъ стадомъ принялись тѣсниться впередъ между двумя рядами перилъ, ведшихъ въ залу. Наконецъ, толпа донесла насъ до какого-то возвышенія со столомъ, за которымъ сидѣлъ не то приказчикъ, не то чиновникъ. Онъ записалъ наши имена, званіе, національность, лѣта, число и годъ высадки. Послѣ этого, мы очутились на свободѣ, внѣ огорожи, въ самой залѣ Кэстль-Гардена. Тутъ впервые можно было свободно вздохнуть и оглянуться. Зала была окружена деревянными некрашеными сосновыми стѣнами, на нихъ красовались огромныя вывѣски всевозможныхъ яркихъ цвѣтовъ и на всѣхъ европейскихъ языкахъ, даже по-русски вездѣ стояло: «работа, работа! на выгодныхъ условіяхъ!» Вывѣски эти залѣзали и на потолокъ, поднимавшійся сводомъ. По угламъ залы были устроены лавочки на подобіе нашихъ третье-классныхъ желѣзно-дорожныхъ буфетовъ. Кое-гдѣ стояли четырехъ-угольныя будки съ тусклыми окнами и надписями: Telegraph, Post-office и т. п. Мы были очень голодны. Юнгферъ Люти купила въ одномъ изъ буфетовъ хлѣба и кофе; послѣдній оказался отвратительнымъ цикорнымъ взваромъ; хлѣбъ былъ недопеченъ и черствъ. Пока мы, за неимѣніемъ лучшаго, уничтожали и эти припасы, зала мало-по-малу начинала пустѣть. Раздававшійся въ ней шумъ и говоръ стихали, движеніе людскихъ группъ уменьшалось, яснѣе стали слы-

шаться отдѣльные голоса. По временамъ раздавалось рѣзко произнесенное имя. Имя всякій разъ было другое, но голосъ тотъ же. Я спросила кого-то, что это значитъ? Мнѣ отвѣтили, что это вызываютъ тѣхъ, кого пришли отыскивать родные, или знакомые, или кому есть письма. Люти была вполнѣ увѣрена, что братъ ее встрѣтитъ. Мы стали прислушиваться внимательнѣе. «Элиза Люти! въ третій разъ вызываю». «Hier, hier!» крикнули мы въ одинъ голосъ. Юнгферъ бѣгомъ пустилась къ возвышенію, гдѣ стоялъ выкликавшій. Черезъ минуту она вернулась съ письмомъ въ рукахъ и недовольнымъ лицомъ: «Не могъ пріѣхать! Каково! Восемь лѣтъ не видѣлись!» Она чуть не плакала.

— Что онъ вамъ пишетъ?—спросила я.

— Что? чтобы я... да вотъ узнаете, потомъ разскажу, теперь некогда... Пойдемте поскорѣе, пошлемъ ему телеграмму, что сегодня же выѣзжаемъ отсюда, а сначала справимся о часахъ отхода поѣздовъ.

Разспросивъ у одного изъ служащихъ о всемъ томъ, что̀ намъ необходимо было узнать, мы рѣшили, что отправимся въ Филадельфію въ тотъ же вечеръ съ скорымъ поѣздомъ, гдѣ приходилось заплатить долларомъ больше съ человѣка, въ сравненіи съ цѣнами медленнаго эмигрантскаго поѣзда, который шелъ раза въ четыре тише и гдѣ намъ пришлось бы провести всю почти ночь въ набитомъ биткомъ вагонѣ, между тѣмъ, какъ въ скоромъ поѣздѣ было всего два съ половиною часа ѣзды. Узнавъ объ отходѣ поѣздовъ, мы составили телеграмму и хотѣли уже отправлять ее, когда намъ объявили, что пятнадцать словъ стоятъ долларъ (около 5 франковъ). Юнгферъ Люти чуть не подралась съ телеграфистомъ за такую дороговизну. Она и послѣ увѣряла, что насъ надули. Но дѣлать было нечего, и пришлось-таки уплатить долларъ за нашу телеграмму, въ которой мы назначали свой пріѣздъ въ Филадельфію къ восьми часамъ вечера того же дня. Теперь оставалось еще получить вещи и добраться до вокзала, находившагося чуть не на другомъ концѣ города. Вдругъ юнгферъ исчезла въ толпѣ, и я осталась одна съ Розой, которая уже начинала пищать о томъ, что тетка навѣрно заблудится и больше никогда насъ не найдетъ. Поиски наши въ теченіе получаса во всемъ Кэстль-Гарденѣ были тщетные, ни въ залѣ, ни въ корридорахъ ея не оказывалось. Я рѣшила, наконецъ, что самое разумное, что̀ мы можемъ сдѣлать—это усѣсться на своихъ узлахъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ихъ сложила сама юнгферъ и ждать; а если она и тутъ не скоро вернется, то, заявивъ о ея исчезновеніи кэстль-гарденской администраціи, са-

мимъ отправиться въ городъ и отыскать ночлегъ, оставивъ свой адресъ здѣсь въ бюро. Признаюсь, что хотя я привыкла уже къ многимъ ея странностямъ, однако, исчезновеніе ея начинало и меня безпокоить.

Пока мы, сидя на сундукахъ своихъ, ожидали ее, къ намъ вдругъ подошелъ одинъ изъ бывшихъ второ-классныхъ пассажировъ, галицкій еврей, и спросилъ насъ, не въ Филадельфію ли мы ѣдемъ. По утвердительномъ отвѣтѣ, онъ попросилъ насъ взять съ собою молоденькую дѣвушку, землячку его, не знавшую ни слова по-англійски и ѣхавшую въ Филадельфію къ роднымъ или знакомымъ, уже не помню. Мы согласились, и еврей привелъ дѣвушку. Черезъ часъ томительной скуки и безпокойства, юнгферъ вдругъ очутилась передъ нами. Ее сопровождалъ очень высокій, худой, пожилой господинъ, въ цилиндрѣ и перчаткахъ. Лицо юнгферъ сіяло, я было-приготовилась здороваться съ незнакомцемъ, вообразивъ, что это ея братъ, какимъ-нибудь образомъ очутившійся здѣсь, несмотря на свой отказъ пріѣхать, но Люти не дала мнѣ выговорить ни слова, а заторопила насъ:

— Ну, теперь скорѣе, скорѣе въ путь! Этотъ господинъ поможетъ намъ во всемъ.

— Да кто же это?—спросила я ее шопотомъ, пока незнакомецъ и мы сами торопливо разбирали по рукамъ вороха своихъ узловъ и мѣшечковъ.

— Это членъ нѣмецкаго общества для помощи пріѣзжающимъ эмигрантамъ,—также шепотомъ отвѣчала мнѣ Люти.—Братъ прислалъ мнѣ адресъ общества, и я сбѣгала туда и вотъ привела...

— Скорѣе, скорѣе!—торопилъ насъ нашъ покровитель,—а не то опоздаемъ, вокзалъ далеко, теперь же скоро половина пятаго, выѣзжать изъ Нью-Іорка нужно въ половинѣ шестого.

Мы мигомъ собрались и вытребовали свои сундуки изъ кладовой, гдѣ они были; носильщики сложили ихъ на телѣжку и быстро покатили ее по Кэстль-Гардену и вонъ изъ него въ сторону, противоположную той, черезъ которую мы вошли. Все это взяло очень немного времени; минуты двѣ-три, и наши вещи уже громоздились на высокой двуконной фурѣ. Поверхъ ящиковъ посадили насъ, и вотъ фура катится, грохочетъ и прыгаетъ по мостовой. Нашъ покровитель сидѣлъ рядомъ съ фурманомъ на облучкѣ; ему было, по всей вѣроятности, удобнѣе, чѣмъ намъ на сундукахъ, гдѣ рѣшительно придержаться не за что было при толчкахъ.

Мы ѣхали быстро по грязнѣйшимъ закоптѣлымъ прибреж-

нымъ улицамъ и по еще болѣе грязной, засоренной углемъ и всякимъ мусоромъ, ничѣмъ не отгороженной отъ рѣки мостовой.

Наконецъ, миновавъ не десятки, а цѣлые сотни всевозможныхъ дебаркадеровъ и желѣзно-дорожныхъ и пароходныхъ, мы круто повернули налѣво къ рѣкѣ и въѣхали куда-то на грязный, огромный дворъ, отдѣленный чугунной рѣшоткой отъ улицы. Фура остановилась.

«Слѣзайте и скорѣе идите брать билеты», сказалъ намъ членъ общества покровительства нѣмцамъ; потомъ онъ подозвалъ какого-то служащаго и поручилъ ему указать намъ кассу. Мы съ трудомъ слѣзли и тотчасъ побѣжали за билетами. Пока мы были заняты этимъ, нѣмецъ отправилъ наши вещи въ товарное отдѣленіе, гдѣ мы и нашли ихъ уже взвѣшенными и помѣченными. Указавъ намъ, какъ и куда идти, нашъ покровитель распростился съ нами и не захотѣлъ взять отъ насъ ни грошемъ болѣе того, что онъ заплатилъ фурману. Мы сказали ему отъ души искреннее спасибо и потомъ отправились вслѣдъ за густою толпою пассажировъ, шедшихъ къ двери, указанной и намъ. Я была увѣрена, что вотъ мы сейчасъ войдемъ въ вокзалъ, дойдемъ до платформы, сядемъ въ вагонъ и поѣдемъ,—оказалось вовсе не то: намъ нужно было пройти еще нѣсколько дворовъ, крытыхъ высокими крышами безъ потолковъ и мощеныхъ длинными, неровными досками, а потомъ мы вышли къ рѣкѣ на пристань, передъ которою разстилалось широкое, какъ море, водное пространство, противоположный берегъ былъ едва виденъ.

На пристани толпился народъ между экипажами, фурами и тяжело нагруженными возами. Лошади бились, ржали;—извощики ругались; шумъ и хлопотня были невообразимые. Толпа пассажировъ, и въ томъ числѣ мы, тѣснилась молча. Наконецъ вдали показался приближающійся пароходъ или, скорѣе, плавучій домъ, изъ короткой трубы котораго клубами валилъ бѣловатый густой дымъ. Наконецъ, пароходъ причалилъ. Онъ оказался крытымъ паровымъ плотомъ въ два отдѣленія. Въ одномъ умѣстились фургоны, въ другомъ пассажиры.

Пассажирское отдѣленіе представляло широкій корридоръ, открытый съ обоихъ концовъ, вдоль стѣнъ его были скамьи, съ отдѣльнымъ, отгороженнымъ для каждаго человѣка мѣстомъ.

Ни машины, ни прислуги не было видно. Мы усѣлись на мѣста, поставили передъ собою вещи, и дивище тронулось въ путь. Публика, самая разнокалиберная по одеждѣ и цвѣту лицъ, чинно и молча сидѣла. Кто не нашелъ мѣста—стоялъ. Царили полная тишина и порядокъ. Около меня помѣщалась сморщен-

ная, старая, бѣдно-одѣтая мулатка. Она вошла, когда всѣ мѣста уже были заняты, и остановилась-было у входа, но молодой, хорошо одѣтый господинъ, сидѣвшій около меня, увидалъ, что стоитъ женщина, тотчасъ всталъ и уступилъ ей мѣсто. Она кивнула ему головой,—пробормотала «thank'ee!» и сѣла, не стѣсняясь.

Переѣздъ длился около четверти часа, послѣ чего мы причалили къ пристани, точь-въ-точь такой, какъ та, отъ которой отъѣхали; за проѣздъ съ насъ ничего не взяли. Опять за толпой мы прошли черезъ большой, крытый и мощеный деревомъ дворъ и очутились въ огромномъ, роскошномъ желѣзно-дорожномъ вокзалѣ. Оказалось, что отхода поѣзда нужно ждать еще около получаса. Бо́льшая часть публики помѣстилась тутъ же въ залѣ. Въ сторонѣ были накрыты блистающіе чистотою столы. Мы справились, есть-ли уборная. Намъ указали на боковую залу, гдѣ къ намъ на встрѣчу тотчасъ вышла съ веселымъ видомъ опрятно и даже щеголевато одѣтая молодая негритянка, спрашивая, чѣмъ можетъ служить намъ. Мы заявили желанье умыться и причесаться, внутренно содрогаясь при мысли о томъ, чего это будетъ стоить, до того роскошны были зеркала и мебель этой дамской комнаты. На многихъ французскихъ и нѣмецкихъ желѣзныхъ дорогахъ въ помѣщеніяхъ, похожихъ на сарайчики, съ каждаго пассажира берутъ за одно умыванье не менѣе франка. Оказалось, что тутъ мы имѣемъ право всѣмъ пользоваться даромъ, и въ нашей волѣ дать или нѣтъ что-нибудь негритянкѣ. Нѣсколько данныхъ нами центовъ [1]) заставили ее очень любезно поблагодарить насъ съ веселой улыбкой, при которой ярко блеснули ея зубы, бѣлые и чистые какъ слоновая кость.

Но вотъ звонокъ. Мы заторопились, желая занять удобныя мѣста въ вагонѣ. Беря еще на той пристани билеты, я нѣсколько разъ протвердила кассиру: «third class!», такъ-какъ презрѣннаго метала у всѣхъ насъ имѣлось очень немного. Кассиръ, ничего не отвѣчая, выдалъ мнѣ три билета, но на нихъ не было обозначено класса, что очень удивило меня. Мы вышли изъ вокзала; ни платформы, ничего подобнаго не было: мы снова очутились на крытомъ дворѣ, гдѣ пришлось пробираться впередъ между рядами поѣздовъ. И здѣсь не было видно служащихъ: никто не спрашиваетъ билетовъ, никто ничего не запрещаетъ, ни давки, ни безпорядка нѣтъ, но и указать куда идти—некому... А, вонъ стоитъ какой-то высокій человѣкъ въ синей формѣ съ свѣтлыми

---

[1]) Долларъ имѣетъ сто центовъ.

пуговицами и въ фуражкѣ съ галуномъ. Мы подошли къ нему: «Гдѣ поѣздъ въ Филадельфію?» Онъ молча указалъ намъ ближайшій рядъ вагоновъ направо. Мы прошли вдоль всего ряда; нигдѣ классъ на вагонахъ не обозначенъ, также какъ и на билетахъ; всѣ вагоны съ виду одинаковы. Откуда-то появился кондукторъ; мы показали ему билеты, чего онъ, впрочемъ, не требовалъ; онъ открылъ дверцу перваго попавшагося вагона. И здѣсь насъ поразила роскошь. Скамьи на двухъ человѣкъ каждая, мягкія, на пружинахъ, обиты зеленымъ трипомъ. На потолкахъ и стѣнкахъ вездѣ фрески и позолота; въ одномъ концѣ вагона небольшая дамская уборная съ зеркаломъ, умывальнымъ столомъ и проч. Противъ уборной небольшое открытое отдѣленіе съ фильтромъ, гдѣ содержится ледяная вода для питья; передъ нами рядъ дорогого стекла стакановъ. Въ другомъ концѣ вагона уборная для мужчинъ.

Поѣздъ двинулся. Вагонъ былъ на двѣ трети полонъ публикою, когда мы вошли; уже на ходу нѣсколько десятковъ человѣкъ еще вскочило въ него и заняло остальныя мѣста. У всѣхъ пассажировъ откуда-то вдругъ появились газеты и книги, ни слова не было слышно, раздавался только шумъ и грохотъ поѣзда. Минутъ черезъ десять по отъѣздѣ, на всемъ ходу, въ вагонъ вошелъ разнощикъ съ съѣстнымъ: сандвичами и коробочками пирожныхъ и конфектъ. Тотчасъ за нимъ явился и другой съ кипою газетъ и книгъ, которыя онъ сталъ молча класть по двѣ на каждую скамью, гдѣ сидѣли пассажиры. Одѣливъ всѣхъ, причемъ запасъ его далеко не истощился, онъ отправился въ слѣдующій вагонъ. Торговецъ съ съѣстнымъ еще остался; почти всѣ покупали у него что-нибудь. Меня больше занимали книги, и я стала разсматривать тѣ, которыя были положены около меня — оказались какіе-то романы. Я съ любопытствомъ наблюдала за тѣмъ, что̀ дѣлаютъ другіе пассажиры: иные просматривали книги и газеты, другіе не обращали вниманія на нихъ и читали свое. Черезъ полъ-часа книгопродавецъ вернулся и началъ собирать свой товаръ; два господина купили газеты, одна дама взяла книгу. Собравъ свое имущество торговецъ ушелъ и не возвращался больше. Товарищъ его съ съѣстнымъ тоже ушелъ.

Но теперь мы выѣхали не только за городъ, а и за предмѣстья; поѣздъ мчится неимовѣрно быстро съ какими-то неизвѣстными въ Европѣ скачками и толчками. Я все жду появленія богатой американской природы; — можетъ быть, близость города мѣшаетъ ей развернуться во всей красѣ съ ея цвѣтущими холмами, быстрыми потоками и густыми лѣсами? Я вглядываюсь и

въ даль, и въ близь.... но, увы, остается все то же, что и при выѣздѣ... Да неужели же это Америка? Это плоское болотистое пространство, точно около Петербурга, только дачныхъ домовъ меньше и они бѣднѣе на видъ... и все такъ блѣдно, такъ сѣро, такъ мертво! Деревья и вообще зелень такъ рѣдки! Кое-гдѣ на плоскихъ глинистыхъ поляхъ стоятъ зеленоватыя или черныя лужи.

Я въ Америкѣ, думается мнѣ, что-то будетъ дальше? Сыро и холодно, сѣрый туманъ мѣстами уже наползаетъ откуда-то на печальный ландшафтъ, а я мысленно уношусь въ цвѣтущій край, гдѣ я прожила послѣдніе счастливые года. Тамъ, на тепломъ, южномъ горномъ откосѣ, теперь какъ разъ цвѣтутъ фіалки; тамъ по каменистымъ и крутымъ тропинкамъ бѣгаютъ веселыя, босоногія, загорѣлыя ребятки съ букетами фіалокъ и предлагаютъ ихъ прохожимъ: «Went-ihr Vihönly!» (хотите фіалокъ).

— «Madame, aber sie weinen!» горестно вдругъ восклицаетъ Роза; тутъ уже я и сама замѣчаю, что изъ глазъ моихъ скоро, скоро, одна за другой, каплютъ слезы.

Становится все темнѣе и темнѣе, наконецъ, мракъ окутываетъ всю окрестность. Мы ѣхали очень недолго въ темнотѣ, когда раздался свистокъ и поѣздъ остановился въ Филадельфіи.

Мы едва успѣли оглянуться, какъ уже у насъ отобрали билеты, насъ самихъ выпустили, а наши вещи буквально выкинули изъ вагона, и поѣздъ умчался дальше. Кто-то провелъ насъ въ какую-то залу. Платформа была полутемна, зала едва освѣщена; изъ этой залы насъ, впрочемъ, сейчасъ же увели и помѣстили въ грязной, установленной грязнѣйшими скамьями длинной комнатѣ, также выходившей на платформу. Здѣсь намъ посовѣтовали подождать тѣхъ, кто долженъ насъ встрѣтить. Мы стали ждать; время проходило, но братъ юнгферъ Люти не являлся. Усталость, неизвѣстность, ожиданіе, все это вмѣстѣ дѣлало наше положеніе невыносимымъ. Блѣдная галицкая дѣвушка сидѣла молча, завернувшись съ головою въ большой платокъ. Роза надула губы и готовилась заплакать. Глаза юнгферъ Люти начинали терять свой пророческій блескъ. Что касается до меня, то я чувствовала себя страшно усталой и какъ-то апатически несчастной. Прошло около часа. «Пойдемте на воздухъ», — предложила я. Мы вышли и принялись ходить взадъ и впередъ по платформѣ.

— Давно бы пора быть здѣсь брату, — говорила юнгферъ Люти.

Кромѣ насъ по платформѣ прогуливался также взадъ и впередъ кругленькій, средняго роста пожилой мужчина. Когда мы въ третій разъ поровнялись съ нимъ, лицо его почему-то пока-

залось мнѣ знакомымъ. «Вы не Herr Люти?» — обратилась я къ нему въ отвѣтъ на блеснувшую въ головѣ моей мысль.

«Sette!» «Heiri»! [1]) раздалось вдругъ, и братъ, и сестра начали со слезами обниматься.

Оказалось, что онъ уже давно тутъ, но никакъ не могъ найти насъ и потому сталъ прохаживаться въ ожиданіи, что мы сами его отыщемъ. Лицомъ онъ очень напоминалъ старика отца и сестру, что и заставило меня обратиться къ нему. Юнгферъ же не сразу узнала его потому во-первыхъ, что давно не видѣла его, и представленіе о немъ у нея было другое, а во-вторыхъ и потому тоже, что, всегда погруженная въ таинственныя мечты и думы, она вообще мало обращала вниманія на окружающую ее дѣйствительность.

Мы живо собрались: крупныя вещи до утра оставили на станціи, а забрали только безчисленные свои мѣшки и мѣшечки и отправились въ путь. Прежде всего, нужно было доставить на мѣсто галичанку; что касается до насъ, то мы вполнѣ были увѣрены, что г. Люти нанялъ намъ меблированную квартиру, какъ просила его о томъ письменно сестра. Мы такъ и думали, что онъ ведетъ насъ, такъ-сказать, прямо домой. Г. Люти спросилъ дѣвушку, куда ее нужно отвести. Она дала ему адресъ. «Намъ нельзя сѣсть въ «car» [2]), — замѣтилъ онъ, — въ ту «street» [3]), куда ей нужно, нѣтъ ни одной «direct» [4]); пойдемте пока пѣшкомъ, туда не больше мили». Меня удивила смѣсь англійскаго съ нѣмецкимъ въ рѣчи г. Люти; послѣ я узнала, что большинство американскихъ нѣмцевъ такъ говоритъ.

Мы пошли. Только теперь вполнѣ сказалась наша усталость. Несмотря на то, что г. Люти избавилъ насъ отъ бо́льшей части узловъ, которые понесъ за насъ, мы едва плелись. Мы молчали и шли, шли и молчали. Путь казался безконечнымъ; улицы пустынныя, освѣщенныя не особенно ярко, тянулись одна за другою, надоѣдая уже своимъ однообразіемъ. Дома по сторонамъ ихъ представляли длинные ряды высокихъ кирпичныхъ казармъ. «Вотъ здѣсь!» вдругъ проговорилъ г. Люти; потомъ звонокъ у двери — переговоры. «Ваши знакомые выѣхали отсюда», сказалъ онъ галичанкѣ. У меня опустились руки, неужели намъ еще придется ихъ отыскивать — нельзя же вѣдь бросить эту бѣдняжку ночью на улицѣ. Не лучше ли взять ее до-завтра къ себѣ...

[1]) Элиза и Генрихъ на швейцарскомъ нарѣчіи.

[2]) Вагонъ конки.

[3]) Улица.

[4]) Car direct — прямое сообщеніе.

Но вотъ опять переговоры у двери. Оказалось, что знакомые дѣвушки живутъ недалеко, и добродушная новая жилица берется проводить ее къ нимъ. Мы всѣ вздохнули свободно.

Устроивъ галичанку, мы шли еще минутъ съ пять. Г. Люти былъ впереди. Мы до того устали и какъ-то одурѣли, что шли ни о чемъ не спрашивая и даже не думая. Во всякомъ случаѣ, такъ было со мною; я какъ-то перестала надѣяться даже на то, что мы хоть когда-нибудь да остановимся. Наконецъ, г. Люти остановился у какого-то большого темнаго зданія; мы тутъ и догнали его, такъ-какъ порядочно-было отстали. «Это станція трамвея,—объявилъ онъ,—мы сейчасъ сядемъ и черезъ полчаса будемъ дома».

Онъ повелъ насъ по какимъ-то темнымъ ходамъ, потомъ по широкому крытому двору, гдѣ пересѣкались десятки рельсовыхъ путей. Намъ пришлось пробираться между множествомъ заложенныхъ и незаложенныхъ вагоновъ. Все пространство двора тускло освѣщалось керосиновыми лампами вагоновъ. Наконецъ, мы вошли на какое-то крыльцо, потомъ въ полутемную прихожую, а оттуда въ большую ярко-освѣщенную газомъ залу, гдѣ сидѣла, ожидавшая отхода вагоновъ, публика. Мы съ наслажденіемъ усѣлись въ удобныхъ ясеневыхъ креслахъ, рядами установленныхъ вдоль чисто выбѣленныхъ стѣнъ. Бѣдная юнгферъ скорѣе упала, нежели сѣла.

— А, вотъ и моя хозяйка, фрау Купке!—весело воскликнулъ вдругъ г. Люти. Около дверей стояла маленькая, черноватая, костлявая молодая женщина, съ какимъ-то страннымъ, вздернутымъ носомъ и копной черныхъ косъ на головѣ. И волосы, и лицо, и платье ея были забрызганы чѣмъ-то бѣлымъ. Въ отвѣтъ на возгласъ г. Люти, она визгливо захохотала, причемъ открыла неимовѣрно большой ротъ, полный здоровыхъ ярко бѣлыхъ зубовъ, и что-то проворно затараторила, обращаясь къ намъ. Голосъ ея точно молотками застучалъ мнѣ въ голову. Она говорила по-нѣмецки съ примѣсью своеобразнаго, совершенно непонятнаго мнѣ жаргона.

— Что она говоритъ?—спросила я г. Люти.

— Она говоритъ, что очень вамъ рада и предлагаетъ свести васъ въ уборную,—можетъ быть, вы хотите умыться или пить, намъ еще съ четверть часа приходится ждать.

Роза и я пошли съ фрау Купке въ уборную, которая оказалась только нѣсколько менѣе роскошной, чѣмъ на желѣзной дорогѣ; тутъ прислуги не было. Намъ очень хотѣлось пить. Въ уборной мы нашли фильтръ съ ледяной водой, употребленіе ко-

торой повсемѣстно въ Америкѣ, причемъ никто не жалуется на дурныя послѣдствія отъ нея. Когда мы вернулись въ общую залу и подошли къ юнгферъ Люти, я была поражена отчаяніемъ, выражавшимся во всей ея фигурѣ.

— Что съ вами?—почти вскрикнула я.

— Тсъ! тише!—перебила она меня,—пойдемте!

Мы отошли въ уголъ. Она ломала руки, шепча мнѣ:—То, чего я всегда боялась—оправдалось вполнѣ: братъ мой пьяница, онъ и теперь пьянъ!.. И... и... онъ не нанялъ для насъ квартиры, какъ я ему объ томъ писала. Что мы теперь будемъ дѣлать? Куда мы теперь дѣнемся ночью!

— Да ну, полноте!—утѣшала я ее.

— Вашему брату пришлось долго ждать насъ, вотъ онъ и выпилъ со скуки лишнюю кружку пива. А относительно квартиры тоже бѣда не велика: сегодня переночуемъ, какъ Богъ послалъ, у его хозяйки; вы слышали: вѣдь она сказала, что рада намъ; ну, а завтра сами найдемъ себѣ квартиру.

— Такъ-то такъ,—плакалась юнгферъ,—да я не того ждала, не того и вамъ обѣщала. Братъ отговаривается тѣмъ, что ему не хотѣлось нанимать квартиру, не зная навѣрное, пріѣдемъ мы или нѣтъ!..

Голосъ кондуктора, громко выкликавшаго «Джермантоунъ!» прервалъ юнгферъ. Мы торопливо перебрались въ вагонъ, лошади котораго тотчасъ затрусили бодрой рысцой. Г. Люти жилъ въ домѣ г-жи Купке, и на ея хлѣбахъ въ предмѣстьѣ, носившемъ названіе «Dutch Settlement» (голландское поселеніе), хотя голландцевъ тамъ не было ни одного, а жили одни только нѣмцы; та часть предмѣстья, гдѣ стоялъ домъ Купке, называлась «Rising Sun» (восходящее солнце). Неподалеку былъ городокъ Джермантоунъ (нѣмецкій городъ), дѣйствительно заселенный сплошь нѣмцами, куда собственно и вела конка, по которой мы ѣхали.

Въ вагонѣ г-жа Купке усѣлась около меня и, не умолкая, тараторила все время, разсказывая, что была у какой-то барыни на работѣ и бѣлила ей погребъ. «Вотъ взгляните какъ я отдѣлалась», повторяла она, указывая на бѣлыя пятна, которыми была покрыта. «Это все известка, да! ха-ха-ха!» Я плохо понимала ее и когда отвѣчала ей, то и она заставляла меня повторять сказанное два-три раза, хотя я говорю по-нѣмецки такъ же свободно какъ по-русски. Наконецъ вагонъ остановился, и мы вышли. Г. Люти и г-жа Купке забрали наши вещи, и мы опять поплелись.

— Ach, madame,—шептала мнѣ Роза,—мы, ей-Богу, никогда и никуда не придемъ!

Было темно. Мы шли по какимъ-то бульварамъ, по деревяннымъ, дрожащимъ мостовымъ, иногда переходя дорогу по мягкой грязи. Огромныя деревья какъ-то угрюмо шумѣли надъ нами; домовъ было очень немного; мимо мостковъ тянулись бо̀льшею частью длинные, темные и высокіе заборы изъ барочныхъ досокъ.

— Мнѣ страшно!—шептала Роза. Юнгферъ шла молча и, повидимому, бодро; братъ ея тоже молчалъ; я изнемогала, а фрау Купке, не переставая, болтала за всѣхъ насъ. «Пришли!» вдругъ раздался весело ея голосъ. Мы едва смогли остановиться, точно будто двигались только по силѣ инерціи. Какъ-то не вѣрилось, будто это путешествіе могло когда-нибудь въ самомъ дѣлѣ окончиться. Пришли! Но куда же? Передъ нами все тотъ же заборъ съ нависающими надъ нимъ и нами деревьями; и воротъ никакихъ нѣтъ. Гдѣ-то вблизи задребезжалъ надтреснутый колокольчикъ, почти заглушаемый визгомъ проволоки, которую нетерпѣливо дергали. Тутъ я замѣтила, что г-жа Купке что-то возится у стѣны,—оказалось, что это звонила она. Отвѣта не было. Гдѣ-то по сосѣдству хрипло залаяла собака. Наконецъ, за заборомъ, поближе, хлопнула какая-то дверь и сквозь щели досокъ заблисталъ огонекъ, потомъ раздались тяжелые шаги, и вдругъ незамѣченная мною до сихъ поръ калитка въ заборѣ отворилась со скрипомъ. Мы вошли въ нее. Г-жа Купке все это время неумолчно и крикливо ораторствовала: «Знаете, отчего мы такъ запираемся и не сразу отворяемъ: мы боимся воровъ! Вотъ еще только на-дняхъ черезъ домъ отъ насъ ограбили и зарѣзали цѣлую семью!»—Да, да—подтверждалъ господинъ Купке, отворившій намъ калитку. Я взглянула на него: фигура его была въ тѣни; свѣтъ фонаря, который онъ держалъ въ уровень съ головою, освѣщалъ только эту послѣднюю, косматую, большую съ низкимъ лбомъ, на который нависали волосы. Выраженіе его плоскаго и широкаго лица, съ калмыцкимъ типомъ, было тупое и грубое. Мнѣ почти страшно стало, глядя на него, да и не мнѣ одной: Роза жалась ко мнѣ и чуть не плакала.

Насъ провели въ какую-то комнату, отворявшуюся прямо со двора, и, усадивъ, тотчасъ напоили прегорчайшимъ зеленымъ чаемъ, накормили прогорѣлымъ, изжареннымъ на салѣ картофелемъ, а потомъ отправили на покой въ большую устланную ковромъ и страшно душную гостинную дома «parlour», безъ котораго не обходится ни одна американская семья. Фрау Купке извинялась, что у нея намъ сегодня будетъ не совсѣмъ удобно

и просила не взыскать на первый разъ. Въ нашемъ помѣщеніи находилась большая двуспальная кровать; потомъ оказалось, что это хозяева отдали намъ свою, а сами легли на полу. Кромѣ кровати, нашелся еще диванъ.

Мы такъ устали, что, несмотря на невыносимую жесткость ложа и духоту комнаты, заснули всѣ три какъ убитыя.

IV. Dutch Settlement—Rising Sun.

Часовъ въ шесть утра я проснулась; какъ разъ у моего изголовья, за щелястой перегородкой кто-то мѣрно и громко стучалъ молоткомъ. Въ щелку оконныхъ ставень игралъ узенькій лучъ солнца. Съ улицы слышались веселые дѣтскіе голоса, въ домѣ скрипѣлъ крикливый голосъ хозяйки:

— Вонъ, вонъ, кш-ш-ш!—выгоняла она кого-то. Въ отвѣтъ раздавалось испуганное кваканье нѣсколькихъ утокъ. «Да замолчи!» гремѣлъ голосъ хозяина, «люди вѣдь устали съ дороги, дай ты имъ выспаться!»

— Ну да! ты самъ вѣрно перебудилъ ихъ своимъ молоткомъ.

Мы принялись вставать. Одѣвшись, я вышла въ кухню; дверь на дворикъ была открыта. Оттуда на меня пахнуло такою роскошью утренней свѣжести и яркаго свѣта, что я мгновенно какъ-то забыла и усталость, и вчерашнее печальное и пугливое настроеніе. Въ кухнѣ суетилась хозяйка, поминутно прерываемая въ стряпнѣ то кошкою, то кроликами, то утками, входившими въ отворенную на дворъ дверь. На дворѣ у колодца я съ наслажденіемъ умылась холодной водой, послѣ чего въ ожиданіи кофе, о которомъ уже хлопотала юнгферъ Люти, я стала осматривать домъ, дворъ и садъ. Домъ оказался обыкновеннымъ американскимъ домомъ,—дальше я подробнѣе скажу объ американскихъ постройкахъ; дворъ походилъ на дворы нашихъ провинціальныхъ русскихъ, мѣщанскихъ домиковъ; огороженъ онъ былъ съ трехъ сторонъ, не примыкавшихъ къ дому и саду, барочнымъ тесомъ, полонъ мусору и грязи. Полдесятка утокъ квакало на немъ; въ углу, въ домикѣ съ рѣшеткою, прятались кролики; кошка умывалась и щурилась на солнцѣ... Завернувъ за уголъ дома я попала въ садъ: тамъ было двѣ-три гряды капусты, гороху и бобовъ; по срединѣ возвышалось персиковое дерево, какъ всегда, полуобнаженное отъ листьевъ. Вдоль дома вилась тощая виноградная лоза, а на заборѣ висѣло два глиняныхъ горшка съ цвѣтущею земляникою, длинные усы которой, тщетно пытавшіеся

за что-нибудь уцѣпиться, не находя поддержки, вяли. Грунтъ состоялъ изъ ярко-желтой, сухой и твердой, какъ камень, глины. Мнѣ потомъ говорили, что вся вообще почва Пенсильваніи такова, что обработывать ее возможно только, когда ее размочитъ дождь, тѣмъ не менѣе вся Пенсильванія превосходно обработана.

Напившись кофе, я рѣшилась въ тотъ же день отправиться въ городъ къ доктору Дакоста, къ которому у меня было рекомендательное письмо отъ доктора С. Юнгферъ Люти пристала-было ко мнѣ съ тѣмъ, что нужно прежде всего сыскать и нанять квартиру, но я замѣтила ей, что пока не опредѣлится мое положеніе, я не могу ни на что рѣшиться и прошу ее подождать нѣсколько дней, которые мы можемъ прожить и у Купке; я поручала ей же переговорить объ условіяхъ съ хозяевами. Люти хотя-нехотя, однако, согласилась.

Дѣло въ томъ, что я была увѣрена, что мнѣ позволятъ тотчасъ же держать экзаменъ на доктора въ которой-нибудь изъ медицинскихъ коллегій города, послѣ чего я надѣялась устроиться гдѣ-нибудь на время ординаторомъ при больницѣ. Въ этомъ отношеніи я очень разсчитывала на помощь доктора Дакоста и мечтала о томъ, что, пріобрѣтя недостающія мнѣ практическія знанія, съ честью съумѣю года черезъ два-три примѣнить ихъ на пользу моей родины. Люти, которой я это не разъ объясняла, была со мною вполнѣ согласна, что это лучшее, что можно сдѣлать, только ей хотѣлось жить непремѣнно со мной. Ей собственно было все равно, гдѣ ни поселиться, ей только одного желалось: быть, такъ или иначе, полезной, хоть одной учащейся женщинѣ, если не многимъ изъ нихъ. Розу она хотѣла помѣстить въ школу.

Городъ Филадельфія раздѣляется на четыре части, сѣверную, южную, восточную и западную, гдѣ улицы помѣчены нумерами, до тридцати-одного. Каждая улица заключаетъ отъ 1,000 до 4,000 домовъ [1]). Боковыя, второстепенныя улицы, соединяющія главныя, не помѣчаются нумерами, а носятъ разнообразныя названія. Отдѣльныя части города отдѣляются другъ отъ друга проспектами, «avenues», или, иначе сказать, широкими бульварами [2]). Г. Люти объяснилъ мнѣ все это и записалъ мнѣ названія конно-желѣз-

---

[1]) 50 домовъ составляютъ „блокъ“; квадратный блокъ называется „скверомъ“. Послѣ каждаго блока есть боковая улица. На милю приходится двадцать блоковъ.

[2]) Почти по всѣмъ безъ исключенія помѣченнымъ нумерами улицамъ ходятъ конки, также какъ по „avenues“ и по многимъ изъ второстепенныхъ улицъ и переулковъ.

ныхъ линій, по которымъ я должна была ѣхать. Итакъ, я отправилась.

Филадельфія—огромный городъ съ 800 тысячъ жителей. На меня онъ произвелъ самое непріятное впечатлѣніе своими нескончаемыми рядами узкихъ красныхъ кирпичныхъ домовъ съ бѣлыми крыльцами и такими же бѣлыми дверьми и оконными рамами. Двѣ низкія ступеньки крыльца, у всѣхъ безъ исключенія домовъ, сдѣланы изъ мрамора. Все неимовѣрно чисто; по одному этому уже возможно узнать, что Филадá, или Филá (по-американски)—городъ квэкеровъ. По утрамъ вы видите все женское населеніе на улицѣ. Всѣ одѣты въ ситцевыхъ капотахъ фасона «Gabrielle» и большихъ каленкоровыхъ шляпахъ въ формѣ кибитокъ. Кто идетъ съ базара или на базаръ, кто моетъ крыльцо и кирпичный троттуаръ, подгоняя цѣлыя волны воды длинными метлами изъ прутьевъ; хозяйка при этомъ очень торопится, потому что вода хлещетъ, не переставая, изъ трубы, выглядывающей изъ отдушины погреба каждаго дома. Вечеромъ вся эта публика—не думайте, чтобы однѣ горничныя и кухарки—засѣдаетъ на вымытыхъ утромъ ступенькахъ крыльца и грызетъ (я чуть не сказала: сѣмечки) земляныя орѣхи, pea nuts, растеніе изъ семейства Umbiliferae, плодъ котораго въ большомъ употребленіи въ Америкѣ, какъ лакомство; французское названіе его — terre-noix.

Я благополучно добралась до квартиры доктора Дакоста; но не застала его дома. Меня очень любезно встрѣтила его жена, попросила подождать мужа и провела въ «parlour». Осмотрѣвшись въ парлорѣ, я мысленно рѣшила, что дѣла доктора Дакоста, вѣроятно, плохо идутъ, если судить по очень скромному убранству его пріемной. Она напоминала нумеръ русской провинціальной гостинницы, съ тою разницею, что въ ней было чисто. Вскорѣ д-ръ Дакоста вернулся, и меня попросили въ кабинетъ: хозяинъ тотчасъ заговорилъ со мною. Онъ объяснялся со мною правильнымъ и чистымъ нѣмецкимъ языкомъ съ какимъ-то своеобразнымъ, но не непріятнымъ иностраннымъ акцентомъ. Я передала ему письмо доктора С. и свидѣтельства, выданныя мнѣ моими швейцарскими профессорами. Пока онъ читалъ, я торопилась оглядѣть его и составить хотя общее понятіе о его характерѣ, насколько это было возможно. У него было темно-оливкаго цвѣта лицо, жесткіе коротко-остриженные волосы и суровые сѣро-стального цвѣта глаза. Выраженіе лица его было какое-то странно-усталое. Докторъ С., познакомившійся съ нимъ въ Швейцаріи, въ бытность доктора Дакоста тамъ, и считавшій его пріятелемъ,

просилъ его помѣстить меня ординаторомъ въ больницу, если возможно, еще до экзамена. Въ Швейцаріи такъ иногда дѣлается, что экзаменъ сдаютъ, уже будучи на мѣстѣ. Прочитавъ письмо, докторъ Дакоста отложилъ его въ сторону; что касается моихъ свидѣтельствъ, то онъ даже и не взглянулъ на нихъ. За симъ онъ довольно сухо объявилъ мнѣ, что, къ сожалѣнію, ничего для меня сдѣлать не можетъ, что мѣста въ больницахъ достаются съ очень большими затрудненіями и что я, какъ женщина, должна бы была обратиться не къ нему, а въ женскую медицинскую коллегію. Онъ записалъ мнѣ адресъ лучшей въ Филадельфіи «Women's medical College of Pensylvania» и далъ карточку съ адресомъ декана ея—miss Rachel Bodley, M. A. (magister artium).

Я была очень непріятно поражена холодностью и какою-то непріязненностью этого пріема. Я сконфуженно принялась извиняться, что вообще явилась и обезпокоила его, и, забравъ свои свидѣтельства и данные мнѣ адреса, рада была, что по-добру по-здорову уношу ноги.

Ну вотъ, думалось мнѣ, моя первая надежда и лопнула. Что-то принесетъ мнѣ знакомство съ miss Dimock, къ которой докторъ С. также далъ мнѣ письмо. Домой я вернулась очень печальная. Юнгферъ Люти и Роза, между тѣмъ, успѣли придать нашему помѣщенію болѣе уютный и жилой видъ, и тотчасъ по приходѣ усадили меня обѣдать. Во время нашего обѣда, происходившаго въ хозяйской кухнѣ, герръ Купке, не пересташвшій день-деньской тачать и чинить сапоги въ сосѣдней комнатѣ, пустился со мною въ разсужденія о матеріяхъ важныхъ. Мои спутницы разсказали ему, что я занимаюсь медициной, и онъ задался мыслью отговорить меня быть докторомъ, совѣтуя лучше открыть аптеку: «это въ тысячу разъ выгоднѣе!» кричалъ онъ, стараясь голосомъ заглушать стукъ своего молотка. Я обратила рѣчи его въ шутку.

На другой день я отправилась къ miss R. Bodley, M. A. Г-жа Купке взялась проводить меня, такъ-какъ отправлялась въ ту же сторону. Часть города была другая, чѣмъ та, гдѣ я была вчера, но по наружному виду ничѣмъ отъ нея не отличалась. Мы застали миссъ Бодлей на крыльцѣ: она собиралась уходить изъ дому. Она очень любезно встрѣтила меня, хотя, видимо, была удивлена г-жею Купке, которая тутъ же, на улицѣ, принялась крикливо объяснять ей, кто я и зачѣмъ пришла. Когда мы вошли въ домъ и спокойно усѣлись, а г-жа Купке ушла по своимъ дѣламъ, я сказала миссъ Бодлей, что желала бы держать экзаменъ на доктора при женской медицинской школѣ и просила

ее сообщить мнѣ, какія нужно для этого исполнить формальности. Она отвѣтила, что нужно только представить бумаги, свидѣтельствующія о пройденномъ мною курсѣ, и затѣмъ попечительный совѣтъ школы рѣшитъ: можетъ ли онъ допустить меня къ экзамену или нѣтъ. Миссъ Бодлей была особа лѣтъ пятидесяти, маленькая, полная, нѣсколько кривобокая, съ бѣлыми какъ снѣгъ волосами и блестящими карими глазами.

— Какъ васъ принялъ докторъ Дакоста?—спросила она меня послѣ того, какъ я сообщила ей, какъ достала ея адресъ.

Я нѣсколько смѣшалась, не зная, удобно ли высказать мое недовольство его пріемомъ, но рѣшила, что правда всегда лучше всего, и отвѣтила, что пріемъ былъ холоденъ и сухъ.

— Онъ терпѣть не можетъ учащихся женщинъ,—замѣтила миссъ,—да и не онъ одинъ, а большинство американскихъ врачей мужчинъ. Что касается доктора Дакоста, то вотъ я что вамъ скажу: онъ—одинъ изъ лучшихъ врачей города и читаетъ клиническія лекціи нашимъ студенткамъ, но ему это послѣднее до того непріятно, что онъ все время стоитъ спиною къ своимъ слушательницамъ; отказаться же отъ лекцій ему нельзя, потому что госпиталь, гдѣ онъ служитъ, допускаетъ женщинъ въ свои клиники.

Это сообщеніе заставило меня разсмѣяться.

Узнавъ, что я живу въ Dutch Settlement, миссъ Бодлей поморщилась: это одно изъ самыхъ не-фешенебельныхъ предмѣстій города, тамъ живутъ только рабочіе нѣмцы. Она предложила мнѣ переѣхать поближе къ школѣ и посѣщать клиническія занятія, которыя продолжались, несмотря на каникулярное время, и дала мнѣ адресъ одной семьи, гдѣ обыкновенно квартировали студентки. Потомъ она сама провела меня въ больницу, находившуюся при школѣ, и представила двумъ дежурнымъ въ больничной аптекѣ докторшамъ. Меня спросили, не хочу ли я остаться тутъ до прихода больныхъ и профессора Томаса, который будетъ принимать ихъ. Я охотно согласилась, такъ-какъ очень интересовалась всѣмъ, что могу увидѣть въ новой странѣ. Когда миссъ Бодлей ушла, то я съ минуту не знала, какъ мнѣ быть: докторши хлопотали за стойкой, приготовляя лѣкарства, и на меня не обращали вниманія; наконецъ, я рѣшила и сама не обращать вниманія на нихъ, сѣла на лавку и стала разсматривать все вокругъ себя. Аптека ничего особеннаго не представляла и отличалась развѣ тѣмъ, что въ ней не было ничего ненужнаго, никакой роскоши. Меня больше заняли обѣ молодыя докторши: одѣты онѣ были въ ситцевыя платья и въ долгопо-

лые тоже ситцевые передники съ длинными рукавами. Обѣ вѣшали, мѣряли и толкли на пропалую. Прошло около получаса; вдругъ входная дверь съ трескомъ распахнулась, и въ аптеку вкатился кругленькій, невысокаго роста, сѣдой человѣчекъ съ веселымъ и добродушнымъ лицомъ. Докторши тотчасъ представили меня ему и его мнѣ: это былъ докторъ Томасъ. За нимъ вошла старуха, больная глазами. Докторъ Томасъ для перваго знакомства принялся практически экзаменовать меня по глазнымъ болѣзнямъ и заставилъ изслѣдовать глаза старухи офтальмоскопомъ. Осмотрѣвъ ее, я поставила діагнозъ на слѣпоту, вслѣдствіе атрофіи зрительнаго нерва. Докторъ Томасъ остался доволенъ мною и началъ учить докторшъ офтальмоскопированью. Со мною онъ обошелся добродушно-любезно и приглашалъ почаще посѣщать его поликлинику. Пришло еще человѣка два больныхъ, и тѣмъ дѣло окончилось; я ушла домой.

Какъ ни жаль было мнѣ, хотя на время, разстаться съ юнгферъ Люти и Розой, однако, я переѣхала тотчасъ же въ семью, рекомендованную мнѣ миссъ Бодлей, и начала ежедневно ходить въ поликлинику. Ѣздить же сюда изъ Dutch Settlement было невозможно, такъ-какъ приходилось бы тратить по полтора часа на поѣздки сюда и обратно. Къ сожалѣнію, посѣщенія клиники оказались вполнѣ безполезными: больныхъ почти не было, они не являлись, зная, что оффиціальныхъ пріемовъ нѣтъ, вслѣдствіе каникулъ. Студентокъ тоже не было. Мнѣ ужасно надоѣдало скучать, сидя на лавкѣ, ничего не дѣлая и ожидая паціентовъ, которые не являлись. Я нѣсколько разъ ходила къ миссъ Бодлей и отъ нея первой услышала грустную вѣсть о смерти Сюзанны Димокъ, къ которой было адресовано второе мое рекомендательное письмо. Миссъ Димокъ, занимавшая мѣсто домашняго врача въ одномъ изъ бостонскихъ госпиталей, училась въ Цюрихѣ. Она ѣхала въ Европу, чтобы еще поучиться и отдохнуть лѣтомъ въ Швейцаріи. Пароходъ «Шиллеръ» везшій ее, разбился у береговъ Англіи и С. Димокъ утонула въ числѣ сотни другихъ пассажировъ. Это извѣстіе очень опечалило меня, какъ потому, что я слышала очень много хорошаго объ умершей, энергичной и дѣятельной молодой дѣвушкѣ, такъ и потому, что эта смерть отнимала у меня еще шансъ для удачи въ Америкѣ. Я сообщила о своемъ горѣ миссъ Бодлей и просила ее похлопотать мнѣ о мѣстѣ ординатора въ больницѣ. Она отвѣчала, что рѣшительно ничего не можетъ сдѣлать, тѣмъ болѣе, что сама не врачъ, а химикъ—профессоръ химіи, и что во всей Филадельфіи и есть только одна больница, именно при Women's College, гдѣ асси-

стентами принимаютъ женщинъ, но и то уже докторовъ, и что мѣста всѣ заняты въ ней на годъ впередъ. Докторъ Томасъ, къ которому я также обращалась, повторилъ мнѣ то же самое. Относительно экзамена, приходилось ждать до осени рѣшенія попечительнаго совѣта, члены котораго всѣ теперь разъѣхались на лѣто изъ города. Вообще миссъ Бодлей выразила сильное сомнѣніе въ томъ, чтобы меня допустили до экзамена раньше будущей весны, ссылаясь на то, что, по правиламъ коллегіи, требуется, чтобы экзаменующійся посѣщалъ лекціи ея профессоровъ въ теченіе хотя одного года. Всѣ эти затрудненія были мнѣ очень непріятны. Я сильно тосковала, сидя одна по цѣлымъ днямъ въ своей неуютной комнатѣ у совершенно чужихъ незнакомыхъ мнѣ людей. Такъ прошло недѣли двѣ, наконецъ, я не вытерпѣла и воротилась къ Люти въ Rising Sun; тутъ я была, по крайней мѣрѣ, между друзьями, да и самая жизнь была дешевле. Вернувшись, я взялась за чтеніе англійскихъ медицинскихъ книгъ, чтобы пріучиться къ незнакомымъ мнѣ англійскимъ медицинскимъ терминамъ, самый же языкъ я уже порядочно знала. Роза тоже горячо принялась за изученіе англійскаго языка. Что касается юнгферъ Люти, то она хозяйничала, ссорилась съ братомъ и втихомолку продолжала питать розовыя мечты о нашей общей будущности.

Помимо моего медицинскаго чтенія, я интересовалась американскою жизнью вообще и въ особенности судьбою эмигрантовъ, наплывающихъ ежегодно въ такомъ громадномъ количествѣ изъ Европы. Въ послѣднемъ отношеніи мнѣ могъ дать свѣдѣнія г. Люти, который самъ прошелъ всѣ мытарства, выпадающія на долю бѣдняка, пріѣхавшаго искать счастья въ новую страну. Г. Люти бывалъ дома только по воскресеньямъ: въ теченіе недѣли онъ работалъ на клеенчатой фабрикѣ, гдѣ былъ рисовальщикомъ узоровъ. Онъ получалъ семнадцать долларовъ [1]) въ недѣлю за десяти-часовой дневной трудъ. Онъ считалъ это вознагражденье недостаточнымъ, но въ то же время признавалъ, что оно его не только обезпечиваетъ, но и даетъ возможность откладывать около 500 франковъ въ годъ въ сберегательную кассу. Онъ былъ уже около восьми лѣтъ въ Америкѣ и не сразу добился своего теперешняго положенія. Въ Швейцаріи онъ былъ красильщикомъ, рисовалъ же только въ дѣтствѣ въ школѣ и впослѣдствіи иногда для собственнаго удовольствія. Въ на-

[1]) 85 франковъ по номинальному курсу пяти франковъ за долларъ. Въ то время долларъ въ сущности стоилъ 4,60 фр.

родной высшей школѣ, Secundar-Schule, его учили рисовать предметы съ натуры и чертить; дома онъ потомъ рисовалъ пастелью. Онъ вообще былъ неглупый человѣкъ, интересовался природой и коллекціонировалъ растенія и бабочки. Изъ Швейцаріи онъ привезъ съ собою свою любимую коллекцію бабочекъ, и она, такъ сказать, спасла его отъ голодной смерти на первыхъ порахъ пребыванія въ Америкѣ. Дѣло въ томъ, что, сунувшись по пріѣздѣ туда-сюда съ своими свѣдѣніями швейцарскаго красильщика, онъ убѣдился, что онѣ ему тутъ, въ Америкѣ, ни къ чему не окажутся пригодными. Въ Швейцаріи работаютъ хорошо, красиво, медленно, прочно и дорого; фабриканты придерживаются большею частью старыхъ способовъ и выработываютъ немного товару, но онъ таковъ, что бабушка передаетъ его внучкѣ. Въ Америкѣ не то: большинство произведеній дешево и гнило, да и способы обработки усовершенствованы — все идетъ скоро и товара выработывается неимовѣрное количество. Нѣсколько тяжеловатые швейцарскіе мозги Гейри Люти просто кругомъ пошли, стараясь понять новые, незнакомые, недуманные порядки. Мѣста на красильной фабрикѣ онъ получить не могъ. Денегъ у него не было: пришлось продавать имущество; больше всего помогла коллекція: ему далъ за нее двадцать-пять долларовъ какой-то барышникъ, перепродавшій ее на другой же день за сто одному университетскому музею. Съ двадцатью пятью долларами далеко не уйдешь; нужно было искать дальнѣйшихъ средствъ. Чего только не работалъ бѣднякъ, а ему приэтомъ было уже далеко за сорокъ лѣтъ. Онъ и землю копалъ, и афиши разносилъ и чучелъ набивалъ... Наконецъ, ему удалось достать временное мѣсто копировщика плановъ у какого-то нѣмца архитектора; этотъ послѣдній и отрекомендовалъ его на клеенчатую фабрику Поттера и К°, въ Филадельфіи, какъ рисовальщика, умѣющаго составлять рисунки самостоятельно и переводить ихъ на плаки, съ которыхъ ихъ печатаютъ. Съ минуты поступленія на фабрику, невзгоды г. Люти кончились, и началась хотя труженическая, но обезпеченная жизнь. «Еслибы я захотѣлъ», говорилъ онъ мнѣ, «то я гораздо раньше и гораздо лучше устроился бы: стоило бы только примкнуть къ какой-нибудь сектѣ. И вербовали же меня! Но я дорожу своими убѣжденіями (онъ былъ свободный мыслитель) и продавать свою совѣсть ни за кусокъ хлѣба, ни за богатство не согласенъ!» При этомъ онъ прибавлялъ, что голодъ не тётка, и что многіе эмигранты на его глазахъ поступали членами въ различныя религіозныя общества, доставлявшія имъ за это выгодную работу.

Вообще, по словамъ г. Люти, да и по тому, что̀ я сама потомъ видѣла, въ Америкѣ эмигрантамъ приходится не сладко, особенно въ первое время по пріѣздѣ. Тутъ ничего не значатъ даже деньги, вывезенныя изъ Европы. На европейскихъ деньгахъ словно проклятіе лежитъ въ Америкѣ: всѣ онѣ идутъ большею частью въ уплату за «науку», и если со временемъ люди богатѣютъ, то всегда почти на средства, заработанныя уже въ Америкѣ. Какъ страшно богатѣютъ иные, примѣромъ того можетъ служить судьба знаменитаго нью-iоркскаго негоціанта Стюарта. Онъ торговалъ готовымъ платьемъ на нѣсколько десятковъ милліоновъ, а началъ съ мелочной лавочки. Онъ былъ школьнымъ учителемъ въ Англіи и бился изъ-за куска хлѣба; это ему надоѣло и онъ эмигрировалъ, надѣясь выгоднѣе примѣнить свои педагогическія знанія въ Америкѣ. Но и тутъ ему повезло лишь настолько, что онъ успѣлъ, въ теченіе довольно продолжительнаго времени, отложить сотню, другую долларовъ, на которые и рѣшился открыть лавчонку для продажи нитокъ, иголокъ и тесемокъ, находя это менѣе труднымъ и болѣе выгоднымъ, чѣмъ учительство. Черезъ тридцать лѣтъ, года три тому назадъ, онъ умеръ, оставивъ вдовѣ своей наслѣдство въ 80 милліоновъ долларовъ. Конечно, не всѣмъ такая удача. Стюартъ, его смерть и завѣщаніе нѣкоторое время занимали и американскую и европейскую печать. Американцы были очень непріятно поражены тѣмъ, что онъ ничего не оставилъ обществу — ни гроша больницамъ, школамъ и т. д. Ни одинъ почти богачъ американецъ не забывалъ общественныхъ нуждъ. Далѣе: служащимъ въ его громадныхъ магазинахъ онъ оставилъ малыя до смѣшного суммы; такъ, людямъ, работавшимъ у него болѣе двадцати лѣтъ, онъ отказывалъ не болѣе тысячи долларовъ единовременно. Его проклинали и говорили, что ему и въ гробу покою не будетъ. Года два тому назадъ я прочла во французскихъ газетахъ, что тѣло Стюарта украдено изъ его семейнаго склепа вмѣстѣ съ гробомъ и что, несмотря на всѣ старанія полиціи, его не могутъ отыскать. Чѣмъ кончилась эта исторія — не знаю.

Обыкновенно, нѣмцамъ-земледѣльцамъ приходится въ Америкѣ сначала особенно плохо. Ихъ надуваютъ и на земляхъ, которыя они покупаютъ, и на карточныхъ домикахъ, которые имъ строятся компаніями строителей; кромѣ того, они сами, по своему консерватизму и любви къ отечественнымъ порядкамъ, тормазятъ собственное дѣло и бьются безъ толку, пока не прогорятъ и, такъ-сказать, не акклиматизируются въ новой средѣ.

Поселившійся вновѣ въ Америкѣ нѣмецкій фермеръ, купивъ

землю, положимъ хоть на западѣ, непремѣнно заводитъ себѣ огородъ, а на поляхъ сѣетъ немного пшеницы, немного маиса, немного овса и т. д. Это беретъ у него много времени и требуетъ большого числа рабочихъ рукъ, а получаемая жатва продается такъ дешево, что ни трудъ, ни затраченный капиталъ, обыкновенно наличный, не окупаются. Годъ—другой проходятъ, и нѣмецкой семьѣ грозитъ гибель отъ голодной смерти среди плодородной страны. Между тѣмъ, рядомъ американецъ благоденствуетъ и не только ничего не проживаетъ, но еще и откладываетъ ежегодно сотни долларовъ въ банки. Такъ-какъ нѣмецъ, несмотря на свое рутинерство, обладаетъ достаточной дозой житейской сметки, то онъ начинаетъ искать причины такого положенія дѣлъ и сравнивать способъ своего хозяйничанья съ американскимъ. Онъ видитъ, что американецъ не жалѣетъ своихъ силъ, но работаетъ не какъ волъ, подобно ему, нѣмцу, а какъ паровая машина и дѣйствительно машинами, а не руками и, по возможности, паромъ. Американецъ затрачиваетъ какъ можно менѣе наличнаго капитала, а старается пользоваться широкимъ открытымъ ему всюду кредитомъ. Онъ не занимается мелкопольнымъ хозяйствомъ, а засѣваетъ большія пространства, по преимуществу однимъ хлѣбомъ, сначала всегда маисомъ, который хорошо родится на новяхъ; потомъ сѣютъ и пшеницу. Ему въ долгъ позволяютъ пользоваться земледѣльческими машинами различныя заведенныя для этой цѣли общества; онъ расплачивается съ ними при получкѣ платы за свои продукты, которые онъ, хотя дешево, но за это очень быстро сбываетъ при помощи также быстро развивающихся путей сообщенія. Огородомъ занимаются у него женщины, да и то не всегда, потому-что ихъ уходъ требуется для скота, котораго имѣется много у всякаго американскаго земледѣльца. Имѣя большое количество одного какого-нибудь продукта, американецъ, конечно, обходится безъ коммисіонеровъ и скупщиковъ, чего не можетъ нѣмецъ. Если этотъ послѣдній возьметъ примѣръ съ американца, то дѣла его начинаютъ тоже идти хорошо, если нѣтъ—то онъ окончательно разоряется и либо возвращается на родину нищимъ, либо ищетъ счастья въ городѣ, гдѣ ему почти всегда удается добиться хотя скудныхъ средствъ къ существованію, благодаря помощи соотечественниковъ, такъ-какъ нѣмцы вообще не даютъ пропадать своимъ. Гдѣ бы они ни поселились, они тотчасъ составляютъ всевозможные ферейны, общества и крѣпко держатся другъ за друга. Это, впрочемъ, я говорю не новость, стоитъ вспомнить нѣмцевъ врачей, аптекарей, булочниковъ и колбасниковъ у насъ

на родинѣ. Они гнѣздятся, плодятся и благоденствуютъ на всякихъ почвахъ, лишь бы удалось присосаться хоть одному... Есть однако одинъ разрядъ нѣмцевъ, которому мало сочувствуютъ вообще сострадательные къ сородичамъ германцы; даже добрѣйшій и далеко не ограниченный г. Люти, швейцарскій нѣмецъ, относился насмѣшливо къ мечтателямъ, фанатикамъ соціальныхъ идей, выселявшимся въ Америку съ горячею надеждою положить основы новаго, разумнаго общественнаго быта на богатой почвѣ свободной страны. «Ach, diese lateinischen Bauern!» восклицалъ онъ иногда со смѣхомъ: «вотъ народъ! берутся міръ перестроить, а земли вспахать не умѣютъ!» Это говорилось повидимому добродушно, въ сущности-же съ глубоко-враждебною подкладкой. Помимо положенія земледѣльцевъ, г. Люти разсказывалъ мнѣ также кое-что изъ жизни городскихъ рабочихъ. Приходитъ напр. рабочій наниматься къ хозяину, будь онъ съ рекомендаціей или даже и безъ нея. Придя, онъ прежде всего сообщаетъ, что умѣетъ дѣлать то и то. Ему вѣрятъ на слово и даютъ дѣло. Въ концѣ дня, если онъ работалъ хорошо, хозяинъ или управляющій призываетъ его къ себѣ и говоритъ ему: «Вы работали хорошо, я васъ беру и даю вамъ столько-то за трудъ». Затѣмъ исполняются употребительныя формальности, т.-е. выдается книжка, и рабочій принимается въ заведенье или на фабрику, получая плату за трудъ обыкновенно по субботамъ. Такъ дѣло идетъ, пока рабочій или самъ уходитъ почему-либо, или же ему почему-либо отказываютъ. Хозяинъ иногда назначаетъ плату даже выше той, какую у него запросятъ, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы нанимающійся работалъ въ теченіе всего года не хуже, нежели въ первый пробный день. Если рабочій работалъ нехорошо или медленно въ первый день, то его ни въ какомъ случаѣ не принимаютъ, хотя бы онъ готовъ былъ довольствоваться самымъ малымъ заработкомъ. «Вы мнѣ не нужны!» говоритъ хозяинъ. «Вы, оставшись у меня, заняли бы мѣсто болѣе спорыхъ рукъ, мнѣ васъ даромъ не нужно!» «Руки»—«hands» общеупотребительное названіе, означающее рабочаго человѣка.

Въ то время, когда я была въ Америкѣ, все было тамъ подъ вліяніемъ большого желѣзно-дорожнаго «краха», случившагося нѣсколько времени до моего пріѣзда, и заработная плата была поэтому низка. Тѣмъ не менѣе, несмотря на финансовый кризисъ, рабочая недѣля доходила до слѣдующихъ размѣровъ: пекарь въ булочной получалъ 12 долларовъ, каретникъ—14, сигарочница—8, горничная—отъ 2 до 3, кухарка—5, двѣ послѣднія на всемъ готовомъ отъ хозяевъ.

Г. Люти, какъ всякій нѣмецъ, относился съ добродушіемъ и симпатіей къ своимъ соотечественникамъ—швейцарцамъ, большею частью содержателямъ «Beer-saloon'овъ», которыми кишѣла каждая изъ улицъ Rising-Sun. Собственные американцы рѣдко содержатъ кабаки, этимъ занимаются, главнымъ образомъ, нѣмцы, швейцарцы и ирландцы. Beer-saloon въ американско-нѣмецкомъ предмѣстьѣ занимаетъ, впрочемъ, среднее мѣсто между кабачкомъ, мелочною лавкою и швейцарскимъ виртшафтомъ, въ какіе рабочіе Швейцаріи заходятъ по воскресеньямъ съ семьею выпить пива.

По воскресеньямъ мы отправлялись въ лѣсъ, «in's Grüne», по нѣмецкому обычаю.

Только тутъ, въ лѣсу, американская природа смилостивилась надо мною и раскрыла мнѣ часть красотъ своихъ. Что за чудесныя рощи, что за славныя поля оказались за Филадельфіей. А лѣсъ—точно волшебное, невѣдомое царство! И деревья, и кусты, и травы невиданныя, странныя... Вотъ тюльпанное дерево стоитъ все въ цвѣту, и мнѣ вспоминается, что точь-въ-точь такое дерево выросло въ сказкѣ надъ могилою убитаго злою мачихою мальчика. А подъ ногами чудно-прекрасный коверъ изъ мелкихъ лѣсныхъ цвѣтовъ и травъ... въ сторонѣ широколопастный подофилумъ, магнолія, дикій ядовитый пасленъ, съ крупными какъ виноградъ плодами; вонъ sanguinaria, да ихъ никогда всѣхъ не перечтешь и не пересмотришь...

Не одинъ день провели мы съ Розой подъ широколистною тѣнью дубовъ, липъ и платановъ и пэнсильванскихъ лѣсовъ и никогда не было намъ скучно тамъ, постоянно тянула насъ къ себѣ эта чудесная грандіозная природа! Между тѣмъ, въ нашемъ домашнемъ быту произошла перемѣна. Юнгферъ Люти все чаще и чаще стала ссориться съ фрау Купке, надоѣдливѣйшею и крикливѣйшею изъ смертныхъ. Юнгферъ Люти уговорила насъ переѣхать въ другое мѣсто, и мы наняли небольшой отдѣльный домикъ въ Франклинвиллѣ, сосѣднемъ съ Rising-Sun предмѣстьѣ.

Купивъ самую необходимую мебель, мы сами хозяевами зажили себѣ потихоньку, въ ожиданіи осени, которая для всѣхъ насъ, исключая г. Люти, должна была принести перемѣны. Намъ жилось не скучно: всѣ работали; для отдыха мы ходили въ лѣсъ, который былъ не болѣе какъ въ получасѣ ходьбы отъ насъ. Знакомствъ у насъ никакихъ не было, развѣ къ г. Люти зайдетъ его старый пріятель, пожилой сосѣдній фермеръ негръ, котораго Роза страшно боялась, послѣ того, какъ онъ ей однажды съ пресерьёзнымъ видомъ, но подмигивая ея дядѣ, предложилъ руку

и сердце за то, что она такая бѣленькая и розовая и что у нея такія славныя золотистыя косы. Что касается юнгферъ Люти, то она, несмотря на свои сорокъ-пять лѣтъ и очень некрасивое лицо, получила черезъ г-жу Купке два очень солидныхъ предложенія выйдти замужъ. Она, конечно, отказала, но видимо была польщена неожиданными и невидѣнными ею женихами и втихомолку гордилась ими, несмотря на то даже, что братъ ея, не стѣсняясь, объяснилъ ей это тѣмъ, что въ Америкѣ больше мужчинъ, чѣмъ женщинъ въ рабочей средѣ, и что эмигрантъ, обзаведшійся домомъ, готовъ жениться хоть бы на самомъ чортѣ, только бы имѣть хозяйку и домашній очагъ.

Кромѣ прогулокъ мы разнообразили свой отдыхъ тѣмъ, что передъ домомъ развели садикъ. Домъ былъ на новомъ мѣстѣ, и почва нашего садика никогда еще никѣмъ не была обработана. Это была та же желтая, твердая какъ камень глина, о которой я говорила; много труда стоило намъ прокопать круговую дорожку, устроить срединную клумбу и четыре цвѣтника по угламъ. Весь полисадникъ былъ не больше трехъ квадратныхъ саженъ.

Дерну мы нарѣзали въ сосѣднемъ пустопорожнемъ мѣстѣ, гдѣ почему-то росла трава; немного чернозему принесли корзинами изъ лѣсу, песку достали изъ сосѣдней рѣчки, и садикъ вышелъ на славу. Рядомъ съ нами жилъ кузнецъ американецъ съ семьей. Домъ нашъ и садъ отдѣлялись отъ его дома и сада низкимъ заборомъ; видя неустанный трудъ нашъ, вся семья кузнеца очень заинтересовалась имъ, и посыпались сначала самые безкорыстные совѣты, а потомъ и помощь то тѣмъ, то другимъ. Намъ приносили, напримѣръ, то цвѣточной разсады, то навозу, то скоро выростающихъ сѣмянъ. Устроивъ садъ, мы почувствовали честолюбивое желаніе имѣть и огородъ. Къ нашему дому принадлежалъ дворикъ сажени четыре въ ширину и приблизительно десять въ длину. Онъ весь былъ заваленъ мусоромъ, кирпичами, коксомъ и щепками. Мы его очистили, обработали и засадили. Г. Люти тоже сталъ помогать намъ, а до этого садоводствомъ и огородничествомъ занимались только мы съ Розой; теперь у насъ дѣло пошло совсѣмъ на ладъ. Скоро передъ и за домомъ появилась зелень. Огородъ оказался плохъ, но во всякомъ случаѣ, хоть и рѣдко обсаженныя, гряды были красивѣе мусорныхъ кучъ, а на здоровье наше умѣренный физическій трудъ имѣлъ самое благодѣтельное вліяніе. У насъ завелась наконецъ и собака. Собака была больна и забита и, повидимому, съ намѣреніемъ брошена кѣмъ-нибудь въ предмѣстьѣ; у ней была большая рана отъ обжога на спинѣ и совсѣмъ голодный видъ.

Когда ее привели къ намъ, она была ужасно жалка, дрожала и жалась въ уголъ. Мы накормили и приласкали ее, и она вдругъ, сразу почувствовала себя дома: куда дѣвалась забитость и жалкій видъ, она въ первый же день оказалась до того вертлява, что мы прозвали ее Жаки въ память юркаго Жаки Фишера, уѣхавшаго съ матерью и сестрою въ штатъ Минезоту. Породы Жаки-canis былъ самой обыкновенной въ Америкѣ — что-то среднее между шакаломъ и лисицею по виду; хвостикъ, завитой колечкомъ кверху, однако, давалъ ему прямой патентъ на дворняжку. Что касается характера, то у насъ прозываютъ такихъ собакъ за ихъ легкомысліе «пустолайками».

Пока мы такъ поживали себѣ въ Франклинвиллѣ, я получила нѣсколько писемъ изъ Европы отъ доктора С. и другихъ друзей. Какъ нравственная поддержка эти письма были для меня неоцѣнимы. Фанни Брандейсъ также писала мнѣ раза два. Она сообщала, между прочимъ, что хлопочетъ о мѣстѣ въ больницѣ для меня. Я мало надѣялась на успѣхъ, помня уже постигшія меня неудачи; тѣмъ не менѣе, мнѣ было очень пріятно видѣть, что отношенія съ этой милой дѣвушкой не ограничились одною дорожною болтовнею отъ скуки, и что расположеніе ея ко мнѣ, повидимому, искренне. О своемъ здоровьѣ она говорила, что оно быстро поправляется. Она была теперь въ Луисвиллѣ, къ концу-же лѣта надѣялась пріѣхать въ Бостонъ.

V. — Первая удача.

Вся моя жизнь въ это время состояла въ одномъ только выжиданіи будущаго; признаюсь, я начинала терять терпѣніе, какъ вдругъ, въ одно прекрасное утро, въ іюнѣ 1875 г., я получила изъ Бостона письмо слѣдующаго содержанія:

«Милостивая государыня,

«Докторъ Эмилія Попъ [1]) передала мнѣ вчера вашу карточку, предлагая васъ для занятія мѣста ассистентки въ нашемъ госпиталѣ. Одна изъ нашихъ студентокъ отсутствуетъ по причинѣ легкаго нездоровья, она можетъ, однако, вернуться уже черезъ недѣлю; въ виду этого я могла бы вамъ пока предложить только мѣсто второй студентки въ нашей Dispensary (больницѣ для приходящихъ), да и то не обѣщаю вамъ его навѣрное и надолго. Итакъ, если вы захотите принять такое мѣсто, которое будетъ

---

[1]) Этотъ докторъ была пріятельница Фанни Брандейсъ.

зависѣть отъ всякихъ случайностей, и замѣнять ту или другую изъ нашихъ ассистентокъ, какъ тѣхъ, которыя могутъ захворать, такъ и тѣхъ, которыя будутъ брать недѣльные отпуски для отдыха, то я могла бы пригласить васъ сюда. Напишите мнѣ, какъ можно скорѣе, находите ли вы возможнымъ принять мое предложеніе.

«Позвольте мнѣ теперь же сдѣлать вамъ откровенный вопросъ: принадлежите ли вы къ числу тѣхъ радикалокъ изъ радикальныхъ, къ тѣмъ русскимъ женщинамъ, словомъ, которыя своею одеждою, мужскими манерами и другими подобными небольшими эксцентричностями стараются отличиться отъ большинства».

«Я сама человѣкъ съ вполнѣ радикальными убѣжденіями, но питаю глубокое отвращеніе къ тому, чтобы свои убѣжденія высказывать каждому встрѣчному моимъ наружнымъ видомъ.

«Готовая къ услугамъ М. Е. Закревская.

«P. S. Знакомы ли вы въ Филадельфіи съ докторами Кливеландъ или Бруманъ?»

Письмо это показалось мнѣ нѣсколько неяснымъ, тѣмъ не менѣе, я отвѣчала на него; я написала М. Закревской, что несмотря на всѣ случайности, отъ которыхъ могла бы зависѣть продолжительность моего будущаго пребыванія въ бостонскомъ госпиталѣ, я мѣсто принять готова съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы у меня было нѣсколько свободнаго времени для подготовленія къ экзамену и для того, чтобы подъучиться языку. Далѣе я сообщала, что мой внѣшній видъ, насколько мнѣ извѣстно, не представляетъ ничего особеннаго ни въ какомъ отношеніи; что же касается до учащихся женщинъ въ Россіи, то онѣ, въ дѣйствительности, настолько же далеки отъ тѣхъ безобразныхъ чудищъ, какими ихъ ославила извѣстная специфическая литература, какъ, вѣроятно, и американскія учащіяся женщины далеки отъ тѣхъ уродовъ въ брюкахъ и ботфортахъ, какими мнѣ ихъ описывали въ Европѣ. Затѣмъ я просила г-жу Закревскую сообщить мнѣ подробно обо всѣхъ условіяхъ госпитальной жизни.

Черезъ два дня я получила отъ нея прелюбезное приглашеніе немедленно ѣхать въ Бостонъ. Подробныя условія были выписаны, но о нихъ я поговорю ниже, при описаніи жизни моей въ госпиталѣ. Къ письму была приложена карточка доктора Эммелины Кливеландъ съ адресомъ этой послѣдней и просьбою къ ней, отъ имени писавшей, познакомить меня, для совмѣстной поѣздки, съ одною молодою докторшею, ѣхавшею осмотрѣть бос-

тонскій женскій госпиталь, главною директрисою—superintendent котораго была докторъ М. Закревская. Вся переписка шла на нѣмецкомъ языкѣ. М. Закревская была прусская полька. Замѣчу при этомъ, что я тогда рѣшительно никакого понятія не имѣла о томъ, кто всѣ эти докторши: Закревская, Попъ, Кливеландъ и Бруманъ, и поэтому я, по полученіи перваго же письма, за разъясненіями отправилась къ миссъ Бодлей, которая и сообщила мнѣ всѣ необходимыя свѣдѣнія, такъ какъ хорошо была знакома со всѣми. Мнѣ еще придется говорить о всѣхъ нихъ, и теперь упомяну только, что докторъ Кливеландъ была профессоромъ женскихъ болѣзней и акушерства при женской медицинской коллегіи въ Филадельфіи.

Я уже говорила о Сюзаннѣ Димокъ; она была, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, домашнимъ врачемъ именно въ ново-англійскомъ госпиталѣ въ Бостонѣ, куда меня теперь приглашали. Съ ея смертью мѣсто ея было свободно, и миссъ Монро, докторша, съ которою мнѣ предлагали ѣхать въ Бостонъ, желала получить его и потому отправлялась осмотрѣть госпиталь. Впослѣдствіи оказалось, что ни ей госпиталь, ни она бостонцамъ не понравились, такъ-что она тамъ не осталась. Потомъ я иногда встрѣчала ее зимою въ Филадельфіи. Получивъ второе письмо доктора Закревской, я собралась, какъ можно скорѣе, съѣздила къ мистриссъ Кливеландъ, познакомилась съ нею, сговорилась съ миссъ Монро и на слѣдующее же утро отправилась въ путь. Тутъ, къ несчастью, не обошлось безъ приключеній: оказалось, что есть люди неаккуратные не только въ Европѣ, но и въ Америкѣ. Нужно сказать, что въ американскихъ предмѣстьяхъ, какъ и въ самыхъ городахъ, на улицѣ можно найти только конку; если же нуженъ экипажъ, гдѣ бы можно было взять съ собою и вещи, то приходится нанимать его наканунѣ. Конечно, можно ѣхать и по трамвею, а вещи переслать при помощи транспортной компаніи, но это очень хлопотливо, и мой маленькій сундучекъ не стоилъ всей необходимой для этого бѣготни; вслѣдствіе этого мнѣ наняли для доставки меня съ вещами на желѣзную дорогу небольшой клеенчатый двухколесный фургончикъ отъ сосѣдей.

Тепло простившись до зимы съ семьей Люти, я поѣхала полная ожиданій и надеждъ.

На станцію желѣзной дороги я опоздала; поѣздъ ушелъ, но къ счастью докторъ Кливеландъ ожидала меня въ вокзалѣ. Она научила меня, гдѣ нагнать и встрѣтить миссъ Монро и

взяла мнѣ билетъ на другой поѣздъ, который оказался экспрессомъ и тотчасъ во весь духъ помчалъ меня на сѣверъ. Изъ Филадельфіи въ Бостонъ можно ѣхать какъ по желѣзной дорогѣ, такъ и по двумъ пароходнымъ линіямъ. Переѣздъ по желѣзной дорогѣ, съ частью пути на пароходѣ, длится одиннадцать часовъ; вся дорога на пароходѣ—полтора дня. Я ѣхала частью по желѣзной дорогѣ, частью на пароходѣ компаніи Fall-river-line. Въ одномъ мѣстѣ желѣзная дорога прерывалась широкимъ морскимъ заливомъ; поѣздъ тотчасъ былъ цѣликомъ поставленъ на громадный паровой паромъ въ два этажа и перевезенъ, такимъ образомъ, на другой берегъ. Верхній этажъ парома былъ занятъ лавками и рестораномъ. До тѣхъ поръ, въ Европѣ, я не имѣла ни малѣйшаго понятія ни о подобныхъ приспособленіяхъ, ни о громадности, роскоши и удобствахъ американскихъ рѣчныхъ пароходовъ. Каюты ихъ представляютъ огромныя залы, устланныя коврами, съ превосходною мебелью и множествомъ зеркалъ. Вездѣ бархатъ и позолота; вся публика, всѣ пассажиры безъ исключенія, пользуются этою роскошью и комфортомъ; и на пароходахъ, какъ и по желѣзной дорогѣ, повидимому различія классовъ нѣтъ, и отъ этого чистота не страдаетъ и порядокъ не нарушается. Пароходную прислугу, главнымъ образомъ, составляютъ негры и мулаты; это веселый, вѣжливый и услужливый народъ, пріятно поразившій меня отсутствіемъ какъ грубости и дерзости, такъ и холопства. Вообще, если мнѣ въ Америкѣ и пришлось быть иногда зрительницей грубыхъ, нахальныхъ или дерзкихъ выходокъ, а также низкопоклонства, то это всегда почти совершалось европейцами, особенно, недавно прибывшими въ страну. Трудно себѣ представить, не видавъ, какой джентльменъ—американецъ, будь онъ бѣлый, желтый или черный; чтобы понять это, лучше всего сравнить его, хоть, напримѣръ, съ французомъ: я говорю здѣсь о низшемъ сословіи—въ высшемъ, интеллигентномъ слоѣ, люди по нравамъ и обычаямъ показались мнѣ, помимо различныхъ чисто расовыхъ особенностей, довольно схожими во всѣхъ странахъ свѣта, гдѣ мнѣ приходилось быть. Для сравненія-же, въ данномъ случаѣ, возьмемъ, ну хоть американскихъ и французскихъ кондукторовъ на конножелѣзныхъ дорогахъ. Въ Парижѣ, особенно вечеромъ, страшно обратиться съ вопросомъ къ кондуктору: онъ усталъ, золъ и не только не дастъ вамъ никакого посторонняго объясненія, но даже не потрудится, хотя это его обязанность, указать, гдѣ вамъ нужно сойти. И тутъ никакіе протесты и дисциплинарныя

мѣры не помогаютъ. Въ Америкѣ вы видите всегда вѣжливаго и предупредительнаго человѣка, а устаетъ онъ больше и дѣла у него не меньше, тѣмъ болѣе, что число мѣстъ въ американскихъ вагонахъ неограничено: впускаютъ сколько помѣстится людей сидя и стоя.

Миссъ Монро я встрѣтила на пароходной пристани; мы вмѣстѣ сѣли на пароходъ и провели на немъ ночь. На утро въ семь часовъ мы пріѣхали въ Бостонъ и тотчасъ отправились розыскивать госпиталь: New England Hospital, Cadman avenue, Boston Highlands, какъ гласилъ адресъ.

А. Л.